

*В распахнутых
ладонях*

Александр ГАЛКИН.
В распахнутых ладонях
Стихотворения

Читая стихи поэта, проникнутые светом и теплотой, исцеляешь свою душу удивительной искренностью чувств. Добрые и светлые мысли заложены в них.

Лирика Александра – для людей, любящих свою Родину.

Эта вторая книга автора.

В 2004 году издана книга стихов «Тебя из облака я сделал...» в издательстве «Слово».

Член Союза писателей России

В. Богданов.

ISBN 5-9290-0129-4 © А. Галкин

ЗВЁЗДЫ

Погасла первая звезда, потом вторая.
Нельзя без звёзд, без них одна тоска,
Без них благие чувства попирая,
Дрожит порою дуло у виска
И просится душа в глухую полночь,
Где света нет, и где владыка – тьма
И не придёт уже никто на помощь.
С решеткой чёрной вечная тюрьма.
Но вот звезда взошла, одна из многих,
Сняла оковы с сердца и души,
И пред тобою светлые дороги
И чувства и добры, и хороши.

Ты нравишься мне с ног до головы,
Живое воплощение искусства,
Что мне до кривотолков и молвы,
Ведь у меня к тебе святое чувство.
Оно не даст споткнуться и упасть,
Прогонит прочь болезни, недуг, голод.
Как будто над судьбой имея власть,
Обдаст в жару и обогреет в холод.
Оно не будет гаснуть словно день,
От глаз недобрых скроет будто шторой
И в грусти, и в невзгодах, и в беде
Оно лишь будет для меня опорой.
Бери мою любовь, как божий дар
И пользуйся хоть в прок, хоть осторожно.
В моей душе всегда горит пожар,
Хоть сердцу часто больно и тревожно.
Так жги мои надежды и мечты,
Пока я жив, число их не убудет.
Была б на этом свете только ты,
А уж моя любовь навеки будет!

Я плевать хотел на эти склоки,
С совестью, с политикой, с судьбой.
Уж не оттого ль мы одиноки?
Что не можем справиться с собой.

С грешными ошибками, позором,
С барабанным боем «ВСЕ ВПЕРЁД!»
Неужели, духом, сердцем, взором
Не поймём, что хочет наш народ.

Хватит нам бросаться в грязь иль в храмы,
Хватит нам терять себя в веках,
И твердить «герои» или «хамы»,
Вечно оставаясь в дураках.

Хватит нам тягаться через силу,
Хватит быть при силе – на краю...
Всё равно я матушку Россию,
Коль рождён в ней, до смерти люблю.

Ночь, как вытканная скатерть,
Нет ни края, ни конца,
Словно выслана на паперть
У вселенского дворца.

Я молю у этой ночи
Своей маленькой звезды.
Но она никак не хочет,
Отпускать свои бразды.

Что ж господствуй ты и властвуй,
Пока солнце не взошло,
Я скажу зарнице: «Здравствуй!»
Вдохновение пришло!

Нам с тобою больше не встретиться,
Не сойдутся уже наши пути,
Надо мною «Большая медведица»,
Только «Маленькой» не найти.

Мы любили друг друга, кажется,
Или просто пытались любить,
Но никто из нас не отважится
Всё с начала начать, повторить.

Мы расстались с печалью робкою,
Твердо, зная: - уже навсегда,
Ты ушла через поле тропкою,
Между нами теперь года.

В небе звёзды бесчисленно светятся,
Засыпая на «Млечном пути».
Надо мною «Большая медведица»,
Только «Маленькой» не найти.

В тот миг, когда погасли звёзды,
И небосвод порозовел,
Тебя я из жемчужин создал,
Дрожащих робко на траве.

В тот час, когда в тумане белом,
Игриво нежилась вода,
Тебя из облака я сделал,
Что первым выплыло тогда.

А в час, когда заря слепила,
Восходом солнца, как огнём,
Тебя из радуги слепил я,
Упавшей круто в водоём.

И в полдень от жары звенящей,
Под мелодичный шум ключей

Тебя соткал из настоящих,
Игривых солнечных лучей.

Мешал цвета, узоры линий,
И вот уже на склоне дня
Внезапно родилась богиня,
И посмотрела на меня.

И гордым взглядом огорошен,
О, злая шутка надо мной!
Я был своей богиней брошен,
За то что, через чур земной.

Бушует май в твоих глазах зелёных,
Сияет солнцем прядь твоих волос,
Я много в жизни повидал влюблённых,
Но самому им быть не довелось.

Горит июль в глазах твоих зелёных,
Лоза волос рассыпалась вокруг,
И я, как будто брошенный телёнок,
Тянусь к теплу и ласке твоих рук.

ЛЮБОВЬ

Она похожа на купель,
Янтарно-розового цвета,
Вокруг неё Купава, Лель,
Всё те ж Ромео и Джульетта.

Купель наполнена вином,
Горящим радугами солнца,
И чем друзья мы больше пьём,
Тем дальше остается донце.

Что жизнь? Она ведь скоро улетит,
Как только перетянет за полтинник,
И может о тебе заголосит
Лишь только этот розовый осинник.
Как стыдно, как позорно умирать,
Хоть ладил с жизнью ты и был с ней дружен,
Когда не в силах главного понять,
Зачем живешь и для чего ты нужен?

Сколько я в душе тебя таскал?!

Ты мне опротивела, тоска,
Дай полёт чарующей мечте,
Мысли те, а вот дела не те.

Я себя не чувствую совсем,
Пью вино и вперемешку ем,
Кровью бьёт ну прямо у виска
Эта безысходная тоска.

Ты уйди, тоска, прошу, уйди,
От тебя безрадостно в груди,
Подойди к другому, может он,
Будет в силах взять тебя в полон.

Провожают липы мой последний вздох.
Надо мной, как мать, склонилась осень,
Был я в этой жизни впрямь не плох
И хорош, признаюсь, был не очень.

Болото заросло осокой, камышом.
Шумит на перебой ивняк с берёзой.
Мне здесь всегда бывает хорошо,
Здесь и стихи рождаются, и грёзы.
Здесь всё полно покоя, новизны.

Целует шмель ромашку, как невесту,
И чудны даже эти три сосны,
Здесь выросшие вроде бы не к месту.
И старый дот, оставшийся с войны,
Болотной тишине и звукам внемля,
Не чувствуя ни славы, ни вины,
Напрочно врос в ромашковую землю.
Я вырос здесь, здесь вся моя страна
Слилась во мне, в сей уголок России,
Душа звенит, трепещет, как струна,
И нет земли дороже и красивей.

Осенним днём я в ранний час,
Спешу сюда, как на свиданье,
Чтоб увидеть в который раз,
Плакучей ивы увяданье.
Весной здесь расцвела душа,
Как эта ива расцвела,
И ты была так хороша,
Что и сравнений не хватало.
Я счастлив был, сомненья гнал,
И в чувствах томных и печальных,
До дна всю радость выпивал,
Из глаз твоих глубоких, ясных.
Но после первого тепла
И птиц печалью перелета
Вся радость, что была светла,
Покрылась горечи налётом,
Во мне слились и боль, и грусть
В каком-то яростном сплетении.
В озёрной глади листьев гущ
Наводит на сердце смятенье.
И растревожится любой,
Придя на берег на свиданье,
Как безответная любовь,
Плакучей ивы увяданье.

Гляжу вокруг – ручьёв дыханье,
Снег не слепит, хотя искрит,
Приятного ветра колыханье,
Что душу, голову бодрит.
Брожу с блокнотом по привычке,
Чтоб вдруг мгновенья не забыть,
И шум прошедшей электрички,
И полотна стальную нить.
И робкое кустов движенье,
И птиц безудержный полёт,
Вселяет в сердце восхищенье,
И сердце радостно поёт.

Когда судьба бьёт с молотка,
И я на всё и вся обижен,
Мне каждый лепесток цветка
Становится родней и ближе.

Когда все тучи надо мной,
И жизнь становится не в сладость,
Мне каждый лучик золотой
Приносит и тепло, и радость.

Когда от бед не убережь,
Свои не душу и не сердце,
Мне хочется на землю лечь,
Её дыханием согреться.

Когда законам вопреки
Порой наказан я жестоко,
Ищу защиты у реки,
В её заливах и протоках.

А если вдруг попутал бес
Лезть на пролом и ошибиться,

Я убегаю в добрый лес,
Чтоб правды у него добиться.

И забываю горе я,
И все невзгоды канут в вечность,
Природа – только у тебя
Есть доброта и человечность.

Прости меня за то, что был,
Прости меня за то, что не был,
Прости за то, что я любил,
В твои глаза смотреть, как в небо.

Пришла весна ядрёная, как девка,
Что после бани – кровь, да молоко,
На ней вверху – с голубишной одёвка,
А с низу – всё в салативом трико.

Пришла весна, прекрасная, как дама,
Во всех аксессуарах на балу,
И от которой солнечная гамма
Берёт любого сразу в кабалу.

Пришла весна, роскошная, как пери,
И так же снисходительна добра,
Своей души раскрыл я настежь двери,
И всю её в себя тот час вобрал.

Все жить хотят и все хотят красиво,
Иметь талант и в вышине парить,
Но где же миру взять такую силу,
Что всех духовным благом одарить.

Все жить хотят, и все хотят богато,
Иметь любой комфорт, любую снедь,

Но где же миру взять все те дукаты,
Что б всем материально преуспеть.

Поэтому без всяких слов двояких,
Кому колосья, а кому жнивье,
И чтобы мог понять любой и всякий,
Закон простейший: - «Каждому своё».

Ах, собаки, люблю вас сволочи,
Голосите хоть до утра,
Сколько радости в лае и горечи,
И не высказанного добра.

С хрипотой и до откровения
Жизнь высказываете свою,
Вот бы людям такое рвение
В добрых чувствах, труде и в бою.

Устали глупые собаки
Хрипеть за здравицу весне,
Устал качаться старый бакен,
И встал на якорь в чутком сне.

И за последнюю зарницей
Ночные сумерки легли,
Но как могли вы не влюбиться,
И в эту ночь уснуть могли?

Я этой ночью растревожен,
Топчу травы пожухлый луг,
То распускаю сердца вожжи,
То на узду сажаю вдруг.

И мне всё кажется, что чувство,
Владеющие мной не раз,

Пусть не апофеоз искусства,
И пусть под ним не тот Пегас.

Но трепетно оно и ярко,
И коль подумать велико,
И мне от этого подарка
Всегда становится легко.

Страшно жить за занавескою,
Не увидит ведь никто,
Вон в окне напротив, дерзкая,
В целомудрии литом.

Взоры всех её не пачкают,
- Вот разделась и хожу!
У неё таких хоть пачками,
За неё уже скажу.

Да! Живёт она, не молится,
Пусть не так как бог велел,
Хочет неги, значит холится,
Кто раскован, тот и смел.

Не всегда и всё пусть сходится,
Но чужого не берёт,
Кто понравится – с тем сходится,
Иль совсем наоборот.

И такая жизнь пусть кажется,
Для кого-то просто грех,
Но она и не куражится,
Что натурой выше всех.

Недопито, не докурено,
Не долюблено всерьёз,
Так заглядывайтесь дурнями,
На букет цветущих роз.

Плохо спите, душу маете,
Жмётесь, копите средства,
Никогда не дохромаете,
До такого естества.

Чтоб пройти походкой гордою
Не запачканной ничем,
Пред оскаленными мордами,
С поцелуем на плече.

Дождик в листьях жёлтых прячется,
И деревьев тёмных рать,
Хватит, милая, дурачиться,
И в любовь со мной играть.
Посмеялись, хватит, кажется,
Было весело до слёз,
Только ветер лишь куражится
Над верхушками берёз.
Ведь самой уже не хочется,
Я же вижу по глазам,
Только клонится и мочится
Одинокая лоза.
Только хохлится на местности
Молчаливая лоза.
Только гаснут в неизвестности
Эти грустные слова.
Дождик в листьях жёлтых прячется,
Наполняя дрожью кровь.
Хватит милая дурачиться,
И играть со мной в любовь.

Твои глаза, как пламенный костёр,
Так тянет в них смотреть и восхищаться.
Я если был спокоен до сих пор,
Теперь не знаю уж куда деваться,

Твои глаза, как огненная плазма,
Всё поглощает на своём пути.
Не мудрено, что потерял я разум,
И никуда от них мне не уйти,

Твои глаза – чарующая бездна,
В них можно раствориться насовсем.
Я раньше жил режимно и трапезно,
Но с этих пор не сплю, не пью, не ем.

Твои глаза на перепутье том,
Что жизнь – пряма, ни вправо и ни влево.
Я раньше над собою был королем,
Теперь ты надо мною королева.

За окошком вьюга мечет,
Сумасшедшая метель,
Подари мне этот вечер,
Разбери мою постель.

Что же взгляд твой так невесел,
Или мне он не знаком?!
Вечер сумерки развесил
За оранжевым окном.

Так же снег всё сыпет, сыпет,
Словно дьявол во Христе,
Весь коньяк давно уж выпит,
И разобрана постель.

Но опять в глазах тревога,
И какой-то лёгкий страх,
Не гляди так, ради бога,
На моих дрожа руках.

Не дрожи, прошу, не надо,
Видишь, снег уже прошел,
Хочешь, просто сядем рядом,
Нам и так ведь хорошо.

Сад усыпан густой смородиной,
Так что страсти нельзя унять.
На плече твоём много родинок,
Если кофточку быстро снять.
Под ногами трава прилежная,
Я не мог утерпеть, прости.
На груди твоей кожа нежная,
Если лифчик рывком спустить.
А ещё, пусть уж бог помилует,
Лучше всяких других услад,
Если голое тело милое,
На руках пронести сквозь сад.

Не морщи нос, в наивность я не верю,
Твои увёртки мне уже не вновь,
И не клянись, что вот у этой двери,
Ты в первый раз узнала про любовь.
И не тверди, что у тебя я первый,
Единственный и самый дорогой.
Зачем же зря друг другу портить нервы,
Когда в твоей душе давно другой.

Уж коли мне признаться довелось,
Перед тобою чувств я не скрываю,
Люблю тебя от пят и до волос,
И на судьбу любую уповаю.

Сияет солнце ярко-рыжей охрою,
И лёгкий воздух тает на весу,
Я вам весну зелёную и мокрую
В распахнутых ладонях принесу.
Для вас цветы достану я любые,
И разложу ковром у ваших ног,
И сбросят с неба звёзды голубые
Лазури перламутровой венки.
И в деревьях раскидистых и стройных
Застрянет синь прозрачна, как алмаз,
И станет мир по-вашему устроен,
И все мечты исполнятся для вас.
И снова солнце охрою лучистою
Вплетётся яркой радугой в зарю,
Я вам любовь глубокую и чистую
От всей души и сердца подарю.

От холода не знаешь куда деться,
Продрогли тополя в уснувшем сквере,
Но если ты захочешь вдруг согреться,
Поверь в меня, как я в тебя поверил.
От этой веры вся душа в огне,
Тебе одной клянусь, тебе лишь каюсь,
Такие чувства плещутся во мне,
Что я порой случайно обжигаюсь.
Ты мне поверь, пусть холодно и сыро,
И на душе не очень уж светло,
Ты мне поверь, придёт в твою квартиру
Большое, негасимое тепло.
Когда ж зима холодная настанет,
Закрой плотней все окна и все двери,
А если и тогда теплей не станет,
Поверь в любовь, как я в неё поверил.

УБИТ СОЛДАТ

В примятой ржи, почти что у дороги,
Едва прикрытый тенью от осин,
Лежал солдат, раскинув странно ноги,
И засмотревшись в радужную синь.

А в небе всё как прежде: солнце, птицы,
И облака проходят чередой,
И также очень хочется напиться
Прозрачною росой, как водой.

И всё как раньше, радуга кривая,
И солнца луч небрежно золотой,
А он лежит и глаз не закрывает,
Заворожённый этой красотой.

Солнце в небе зашло отдохнуть до утра,
Спать пора, спать пора, спать пора,
Греют птицу иль зверя гнездо иль нора,
Спать пора, спать пора, спать пора,

По домам разбежалась, галдя, детвора,
Спать пора, спать пора, спать пора,
Выключай телевизор, сплошная мура,
Спать пора, спать пора, спать пора,

Опять тебя во сне я целовал,
И ты была покорна и послушна,
Твоею красотой наповал
Давно сражен, прости великодушно.

Пожалуйста, прости меня за сон,
Ведь наяву боюсь об этом мыслить,
Но я во сне возможности лишён
Сдержат полёт своей мятежной мысли.

Ведь кровь всю стучится у виска,
Когда тобой любуюсь ненароком,
И губ твоих – два дивных лепестка,
Налитые как будто алым соком.

И карих глаз вечернюю зарю,
И лозовость волос твоих воздушных,
Клянусь, судьбу за то, благодарю,
Что ты пленяешь даже равнодушных.

Кто ты земля и высь, огонь и лед?
Проста как жизнь и велика как вечность,
И что в тебе с рождения живёт
Культура и большая человечность.

Нет не выплыл месяц, нет не выплыл,
Мне звезду не сбросит в эту ночь,
Лишь собачий лай, протяжный, хриплый,
В чём-то мне пытается помочь.

Нет, не вышла ты ко мне, не вышла,
Не мелькнул платочек голубой,
Лишь букет в руке сирени пышной
Хоть немного скрадывает боль.

Нет, не нужен я тебе, не нужен,
У тебя наверно есть другой,
Месяц будто только что разбужен,
Выплыл над планетою дугой.

Берег Истры немного бугристый,
Сарафан на лежалой траве,
Ветерок невесомый, но быстрый
Пробегаёт по коже твоей.

Я люблюсь тобой ненароком,
Ты вжилась в это море травы,
И осока росую, как соком,
Нежно балует ноги твои.

В белых прядях, чуть-чуть с рыжиною
Задержался задумчивый шмель,
Я с любовью свой аржаную
Не могу удержать свою хмель.

Травополье вокруг, травополье,
Нервно память свою теребя,
Я с какой-то надеждой и болью,
Как блаженный, смотрю на тебя.

Ты прекрасна и чудоволоса,
Цвет волос твоих не с чем сравнить,
И кивают мне ивы с откоса,
Полюбить, полюбить, полюбить.

Что же вы, ивы, щебечете тонко,
И сулите мне счастья на век,
Ведь она уж давно не девчонка,
Да и я не дурной человек.

У неё муж намного красивей,
Да и сыну семнадцать уж лет,
Даже если б она попросила,
Я отвечу, - «Конечно же нет»

Что ж вы, ивы, совсем замолчали,
В этой утренней, праздной тиши,
Или стали понятны печали
Моей любящей скорбной души.

И сердце расцвело моё, как парус,
Надутый встречным ветром с высоты,
Ну что ж я в душе своей копаюсь,
Ведь для меня есть ты и только ты.

Ведь это ты не зная иль нарочно,
Зажгла меня неистовым огнём,
Ведь о тебе я только днём и ночью,
Ведь о тебе я ночью или днём,

Мечтаю, грежу и пишу, как аспид,
В тебя влюблённый с головы до пят,
А если жребий мой ещё не распят,
Я буду без него уже распят.

Оставим все былые бредни
Дождливым летом по утрам,
Вы застали саму Миледи
По красоте не по нутру.

Но коль сравненье не по праву,
Не я скажу, а скажут все,
Своей натурою по праву
Вы не Миледи Бонасье.

В одно мгновенья очарован,
Хотя и был немного пьян,
Я вами был на век прикован,
Влюбился словно Д артаньян.

Опять меня в природу повело,
В заснеженную русскую природу,
Ах, сколько нынче снега намело,
Одна тропинка, больше нету броду.

А дышится, как дышится легко!
О! Роца, я покой твой не нарушу,
Твой белый снег, как будто молоко,
Вливается в мою больную душу.

Да, болен я и сердцем и умом,
Ещё чуть-чуть вообще настанет кома,
Лишь потому, что я с тобой знаком,
А ты со мною вовсе не знакома.

Твоей любви мне видно не дано,
Моя пусть будет для тебя наградой,
И в даль берёз синее Строгино,
Где ты живешь, но не со мною рядом.

У РЕКИ

Незабудки, незабудки,
Ивы тонкая лоза.
У моей девчонки Людки
Светло-карие глаза.
Омутов синее блюдо,
Тень раKITного куста,
У моей любимой Люды
Целомудренны уста.
Стынут ноги,
Берег илкий,
Разлетелись пескaри,
У моей родной Людмилки
На ланитах цвет зари.

Их нам всегда не достаёт,
Хоть и порой бываем грубы,
Но кто за всю семью пройдёт,
Огонь и воду и все трубы.

Да их пройдёт, она - жена,
Такая у неё планида,
Она буквально всё должна,
И не показывая виду,

И накормить и обстирать,
И всё понять и всех уважить,
Ах, если б ордена давать,
Я ей бы дал героя дважды.

Но а себе я взял бы три,
С недоумением не глядите,
Ведь что уж там не говори,
Я у неё руководитель.

Я выплеснуть хочу, но не выплёскивается,
То ли нечего, то ли не накопилось,
А ведь раньше стихи мои были хлесткими,
Что же с сердцем моим и душой приключилось?

То ли ранены перестройкой болезненной,
То ли вечно они перед жизнью в долгу,
Ведь хожу как незрячий по острому лезвию,
Ну а крикнуть о помощи никому не могу.

Если крикну, кто занят, кого лишь обрадует,
Этот неистовый зов, злое сердце пьяня.
Эх, блеснуть хоть на них ослепительной радугой,
Пусть погибну, но кто-то оценит меня.

Ну что же сделаю я с природой,
Ей надавать бы её же розг,
В меня влезает цветастой мордой
В самое сердце и в самый мозг.

Я же люблю тебя, не отбрыкиваюсь,
Что же ты лезешь так, напролом,
Ведь без тебя, как бездомный мыкаюсь,
Ну а с тобой в любой бурелом.

В любую высь и в любой распадок
Только свистни, иль позови,
Я на чувства не очень падаю,
Лишь тебе объясняюсь в любви.

Ты у меня сокровенная самая,
Лучшие чувства и тайны души,
Но предо мною могильною ямою,
Очень прошу, ты предстать не спеши.

ПАРОДИЯ НА «БУКЕТ» БАРЫКИНА

Зачем же загонять велосипед,
Коль любишь ты, и собирать лишь клевер,
Зайди на рынок и купи букет
Своей не превзойдённой королеве.

А может ты в поверку просто жмот,
И любишь лишь кататься на колёсах,
И в сердце у тебя совсем не жмёт,
Что у твоей любимой будет в косах.

Тогда гони быстрее свой драндулет,
И чтоб не портить милой больше крови,
Сойди в Мытищах и нарви букет,
И подари какой-нибудь корове.

Я человек простой и буду прост
На протяжении всех вождей великих,
Но лишь прошу, не жмите мне на хвост,
И говорить неправду не велите.

В лицо зазря не бейте наотмашь,
Коль плохо вам, не делайте мне больно,
Тогда я буду безраздельно ваш,
И сердце моё будет тем довольно.

Вот первые слова и рифмы сложены,
Вот первая строка легла в тетрадь,
Смотрю я и любовно, и восторженно,
Как смотрят на любимое дитя.

Последнее зерно на пашню брошено,
Полито потом, кровью и вином,
Смотрю и думаю печально и встревожено,
Не уж то всё, не прорастет оно.

До чего же мужик терпеливый,
Этот русский, - дави его, жми.
Будет злой, недовольный, крикливый,
Не возьмется ни в раз за ножи.
Перебеситься, купит в три дорога.
Будет мыкаться или займёт,
Своего прислывутого врага,
Только в крайнем моменте убьёт.
А ему бы обычай кавказский,
Чуть не так, то скорей за клинок,
Но как прежде он слушает сказки,
И в мечтаньях своих одинок.

С БОЛЬЮ И ЮМОРОМ

Весь свой талант перевожу на стружку,
Откуда ж здесь и слава и успех,
То опишу знакомую подружку,
То о природе сделаю наспех.

В политике я, видимо, хромаю.
То о труде забуду написать,
И муза получается немая,
И нужно ее в урну лишь бросать.

Но я люблю свою благую музу,
Я за неё готов стоять горой,
И пусть не первый я поэт Союза,
Но во Вселенной, точно уж второй.

ОГНИ

Они вдали мигают, как салют,
Зовут к себе и дразнятся, и манят,
И, кажется, там радость и уют,
Щемит чуть сердце в сладостном дурмане.

Уйти туда за маленький рубеж,
Порвать года, прошедшие, на части,
А может, там, свершение надежд?
И родничок хоть небольшого счастья.

А у меня в квартире яркий свет,
Почти всё есть от снеди до покроя,
Но радости от этой жизни нет,
И нет в душе улады и покоя.

Ах, сколько их друзей и не друзей,
Прекрасных лиц и не совсем приятных
Вошли в меня навечно, как в музей,
И их уже не выкинешь обратно.

ПОРТРЕТ ПУГАЧЕВОЙ

Счастья у меня другого нет,
Чем смотреть на яркий твой портрет,
У меня другого нет конца,
Умереть без твоего лица.

Я живу и млею и бешусь,
Но к тебе с любовью отношусь,
Проживу, не знаю сколько лет,
Но возьму в свой гроб лишь твой портрет.

Облака, как взошедшее тесто,
Густо стыннут в сумеречной мгле,
Нет мне в жизни пригодного места
На потерянной этой земле.

Нам кажется порой, что счастье рядом,
Лишь руки протяни, и вот оно,
Неугасимым праздничным парадом
К тебе приходит просто, как в кино.

Нам кажется, что слава где-то близко,
Всего осталось несколько шагов,
И мы уже возводим обелиски
На перепутье жизней и веков.

Нам кажется, что старость так далёко,
Что всё успеем, всюду победим,
И мы порой взлетаем так высоко,
Что падать ни в какую не хотим.

Нам кажется, что смерть как будто в прошлом,
И мчимся мы, во все рога трубя,
И вот она вошла старухой дошлой,
И всё обратно просит у тебя.

Ох, уж сила, эти неформалы,
Чёрный флаг и с красною звездой,
Видели вы в жизни с шиком мало,
А уже зовёте за собой.
Ваш кумир Бакунин и Бухарин,
Может мысль и очень велика,
Всё равно получите по харе
Даже от простого мужика,
И «Эпоха» ваших революций
Разобьётся об обычный смысл.
Против ветра не трудись, не плюйся,
Ну а с сильным, вовсе не борись.

В автобусе, как в танке,
Оранжевое утро,
Машины на стоянке,
Как кнопки у компьютера.
И радостное чувство
Вдруг мной овладевает,
И стих мой от искусства
Наряды одевает.

Рублёво, лес, поляна, травы росны,
Сижу на старом, высохшем бревне,
А надо мною царственные сосны,
Чуть-чуть качаясь, внемлют в тишине.

Боюсь, что описать я не сумею,
Своей души, природы торжество,
Берёзы перед ними, как пигмеи,
Дрожат своею рыжею листвою.

И тишина, как старая сиделка,
Над этим лесом сказки ворожит,
И мягкий шорох; маленькая белка,
Задравши хвост свой, по траве бежит.

Бежит ко мне и вовсе не боится,
Я знаю, будет семечек просить,
Да, видно стоит на земле родиться,
Хотя б за тем, чтоб этот миг вкусить.

Такие женщины рождаются не часто,
Одна в полсотни лет, или за век,
Но если удалось с ней повстречаться,
То ты уже счастливый человек.

Они умеют радовать при встрече,
Глядишь на них, и чувствуешь, живешь,
Их милых глаз, их чувств и даже речи,
Вовеки не коснётся тень и ложь.

Они по жизни просто, как подарок,
У них огонь, аж изнутри горит,
И если в жизни был не очень ярък,
То с ними будешь, как метеорит.

Ты чаруешь меня, чаруешь,
В сердце праздник, в душе торжество,
Ты меня у себя воруешь,
Мне приятно твоё воровство.

Я готов раствориться в вечности,
Лишь бы счастлива ты была,
В совершенстве своём, иль в бесконечности,
Как луна в небеса уплыла.

Да, я люблю стихи писать,
В постели, за столом, в вагоне,
Над краем бездны зависать,
И чувствовать в душе агонию.

Да, я люблю стихи писать,
Конечно же, по вдохновению,
Когда в траве дрожит роса,
Когда зефира дуновение,

Когда касается мой взгляд
Похожего на совершенство.
Я чувствовать всем сердцем рад
Рождение стихов блаженство.

Да, я люблю стихи писать,
Про жизнь, про женщин, про природу,
И мне на критиков начхать,
Лишь бы это нравилось народу.

Я трепетный мужчина, кто бы знал,
И никогда ни с кем я не был гадом,
Души моей почти голубизна
Коснулась всех, кто был со мною рядом.

Я в жизни никому не помешал,
Для всех старался делать только доброе,
Поэтому и расцвела душа
Моей такою симпатичной мордюю.

Ты не сказала да, ты не сказала, нет,
Ну что ж мне думать, что ж мне предпринять?
И так завял души моей букет,
Чтоб ждать, когда смогу тебе отдать
Его ещё в предутренней красе,
Блестящим от росы и моих слёз,
Но только пусть узнают уже все,
Что я тебе его одной принёс.

Седьмой этаж, семьсот седьмая комната,
Как кстати покурить тогда вы вышли,
На лестничной площадке, Ира, помните,
Я сочинил и прочитал вам вирши.

И как звезда в небесном параллаксе
Моя душа о космос слёзы вытерла,
Вы были в тёмной юбке слишком максималистки...
И в светлом с малым ворсом, тёплом свитере.

Прошу простить меня за откровения,
Вы разум, сердце, душу мою вынули,
Как я хотел продлить это мгновение,
Но в этот миг меня вы и покинули...

Не спрашивайте ни о чём,
Я всё равно вам не отвечу,
Но словом поддержу, плечом,
И как всегда приду на встречу.

И как обычно помогу,
Пусть даже малыми деньгами,
Но только лишь, чтоб я в долгу,
Остался вечно перед вами.

Пред вашим скромным «да» и «нет»
Пред вашим лучезарным взором,
Хоть добр и честен и поэт,
Я становлюсь каким то вором,

Ворую всё, улыбку, взгляд,
Парфюм из запаха и цвета,
И каждый раз безмерно рад,
Когда вы чувствуете это.

Да пусть простят мне небеса,
Не делаю я в чувствах маху,
Ведь ваша дивная краса,
Влечёт меня на жизнь иль плаху.

Куда мне до тебя, ты вся в поэзии,
В делах, заботах, в поисках любви,
А в сердце у меня осколок лезвия,
Мечтающий добраться до крови.

И тот осколок ты во мне оставила,
Однажды посетив мой скромный дом,
По полочкам всю жизнь мою расставила,
И уплыла небесным кораблём.

Сидела женщина, а рядом сын играл,
Она прекрасна и малыш прекрасен,
И понял я, - семью создать пора,
Пока не облетел как клён иль ясень.

Сидела женщина, а рядом внук играл,
Она ещё цветуща, он чудесен,
И понял я, что уходить пора,
Что мне уже не до любовных песен.

Мне тяжело в твоих объятьях,
Я вспоминаю о былом,
Когда другая в белом платье
Была мне домом и крылом.

Когда другая в синей блузке,
Ей было богом всё дано,
И по-французски и по-русски,
Меня любила одного.

Теперь лишь понял, как любила,
И как мне было хорошо,
Без ревности, без меркантила,
Всем телом, сердцем и душой.

А я тогда дурной, никчёмный
Не понял счастья своего,
Ушёл другою увлечённый,
Расстался быстро и легко.

Ну где же был хотя бы разум?
Осмыслить это естество,
Чтобы понять всё это разом,
И не отторгнуть волшебство.

И вот теперь в твоей я власти,
И тот же бы любви букет,
Но не блаженства и ни счастья,
Того, что было, вовсе нет.

Газет не читаю полосы,
Да что в них вообще такое?
Волосы твои, волосы
Мне не дают покоя.
Кричу не нормальным голосом,
Прямо на всё столетие,
Волосы твои, волосы, - это великолепье,
Просто в московской волости,
Словно души причастие,
Волосы, твои волосы
Дарят любовь и счастье.

Нет, не писать я просто не могу,
Не то, что перед кем-то я в долгу,
А потому что очень часто мне
Приходят мысли, рифмы в тишине.

Про счастье своё, или про беду,
Про лилии цветущие в пруду,
И я как будто пьяный иль в бреду
За чувствами души своей бреду.

Нет, не писать я просто не могу,
Ни в вьюжную погоду, ни в жару,
И даже в проливной, крошечный дождь
Меня стихами пробирает дрожь.

И счастливо становится в душе,
И мне уютно даже в шалаше,
И потому то скромно так и тих
Открытый ненавязчивый мой стих.

Я у края, у самого края,
А точнее на самом краю,
Но вот хочется, умирая,
Не в аду быть, а только в раю.

Потому что я ад изведаль,
Хоть по жизни совсем не грешил,
И прошу я у ангеловеда
После смерти пожить в тиши.

И прошу я у господ бога,
Пусть закончится адская явь,
Мне в раю, ну хотя б у порога
Место тёплое предоставь.

Грусть – это шуршание листвы,
И солнца луч, как меч из ножен,
Картин красивые холсты,
Которых сам создать не можешь.

И женщины прекрасный взгляд,
Тебя к несчастью минуя.
Деревьев праздничный наряд,
От ветра ждущий поцелуя.

Грусть – это исповедь души,
Неровный шум высоких сосен.
И что не думай, ни пиши,
Грусть, это однозначно – осень.

Из-под снега выползают запахи,
А с небес струится аромат,
Лёд на реках трескался залпами,
Несмотря на то, что ещё март.

Распустилась верба раньше времени,
И в берёзах зреет свежий сок,
И шальное солнце бьёт по темени,
И лихая мысль стучит в висок.

Собаки лают не напрасно,
В их лае вовсе нет греха,
Ни на луну и месяц ясный,
Не просто, чтобы побрехать.

Собаки лают неспроста,
Не потому что злы, капризны,
Они доносят до Христа,
Всё о своей и нашей жизни,

И если ты с собакой груб,
Не уважаешь, плохо кормишь,
То, даже будучи в гробу,
Об этом с сожаленьем вспомнишь.

Обложено асфальтом небо,
Не помечтать, не загадать,
Ни Регуля и ни Денеба,
И даже Веги не видеть.

Какой-то груз лежит на сердце,
В душе какая то немочь,
Мне от тоски не отвертеться,
Особенно в такую ночь.

Зима идёт на нет, зима кончается,
Буреет снег, и дятел бьёт в сосну,
Деревьев кроны на ветру качаются,
И манят долгожданную весну.

Она придёт, ещё немного времени,
Пусть месяц, а быть может полтора.
И нежные росточки первой зелени
Взойдут на свет, как будто на парад,

И люди с ними расцветут и души,
Распустятся цветы, и даже сны,
Ты вместе с ними тоже будешь слушать,
Великое дыхание весны.

Бьется мысль незримая в висок,
Угнетая разум и здоровье,
На стекле картинка Пикассо,
А за стеклом январское безмолвье.

Бьется мысль отчаянно в висок,
Догорает жизнь как будто свечи,
Я от смерти аж на волосок,
Тонкий волосочек человеческий.

В небе белое яйцо
С человеческим лицом,
То ли плачет, то ль смеется,
То ли думает о чём.

В небе первая звезда
Из бездонного гнезда,
То ль мигает, то ль сияет,
То ли манит в никуда.

В небе главный бог живёт,
Манну божию жуёт,
То ли жить нам помогает?
То ли нас к себе зовёт...

Ещё заря не разродилась,
Лишь света тонкая черта,
Но вновь в душе моей забились
Давно уснувшая мечта.

На сердце, сразу полегчало,
Ушли куда то миражи,
И я решил начать сначала
Ещё не прожитую жизнь.

ДА ЧЁРТ БЫ С НИМ

Да чёрт бы с ним, что жизнь трудна и тяжка,
Без пряника орудует хлыстом,
Ты посмотри, как кружится дворняжка
В весёлом танце за своим хвостом.

Да чёрт бы с ним, что денег слишком мало,
На водку не хватает, например,
Свет погаси, залезь под одеяло,
И помечтай, что ты миллионер.

Да чёрт бы с ним, что ночью плохо спиться,
Мешают нервы, мысли, и долги,
Сумей представить или притвориться,
Что жизнь твоя милей, чем у других.

Да чёрт бы с ним, что жизнь трудна и тяжка,
Лицо ополосни, вина плесни,
Надень свою любимую рубашку,
И снова повтори: – «Да, чёрт бы с ним!»

Ты думаешь, что я тебя забыл?
И перестал тобою восхищаться?
Да чтобы я ни делал, где б не был,
Не прекращал в душе с тобой общаться.

Ты для меня, что солнце в небесах,
Как кислород, как ручейка журчанье,
В твоих очах и чёрных волосах
Мои надежды и моё отчаянье.

Ты для меня, как чудный эликсир,
Души здоровья и, конечно, счастья,
Ты для меня и идол и кумир,
И я всегда в твоей безмерной власти.

И май наряженный в шелка,
Прекрасен, как сама невеста,
Нет, не могу я жизнь шелкать,
Или сбивать в густое тесто.

Июль, закутанный в батист,
Приходит, будоражит нервы,
Я не художник, не артист,
Да и в стихах, увы, не первый.

Июля мудрый кашемир
Своей красой терзает душу,
Я не оракул, не кумир,
Я как всегда чего-то трушу.

И августовский габардин
Старается сползти на плечи,
В себе я гений, я один,
Прости, Сентябрь, я не вечен.

Тихий ласковый дождь, как домашняя кошка,
Поцарапался час и внезапно прошел,
Никого ты не ждешь, только смотришь в окошко,
И желаешь сейчас, чтоб никто не пришел.

Мне не ставьте укором впредь
Мои частые появления,
Я на вас приходил смотреть,
Остальные мне все «по фени»

От души хоть осталась треть,
Видя вас, всё равно я гений,
Я на вас прихожу посмотреть,
Остальное мне всё «по фени».

Давно душа не ведала полёта,
Зарёю утренней по небесам скользя,
Как будто в сердце надорвалось что-то,
И склеить, и связать – уже нельзя.

Прошла любовь, и жизнь моя в цейтноте,
И я во всю судьбу свою клянчу,
И лишь порой на предпоследней ноте,
Я, как собака, лаю на луну.

А может быть, ещё я выживу,
И стану прежним, может быть,
И как обычно в осень рыжую
Я буду верить и любить.

И как обычно зимним вечером,
И при огне и при вине,
Душа моя блестящим глетчером
Тебе напомнит обо мне.

Солнце в кустах жасмина,
Словно зажженная лампочка,
Снова балуюсь водочкой,
Словно чьё то пророчество,
Нет не жены, ни сына,
Лишь кошка, такая лапочка,
Тихо ласкаясь мордочкой,
Скрадывает одиночество.

Душа ребёнка, сердце старика,
А ум не скреплен гения печатью,
И жизнь моя, как скромная река,
Уже стремиться к своему зачатыю.

Не удалось ей в море, океан,
Иль в озеро какое-нибудь влиться,
Так будь же проклят мир и окаян,
В тебе не напоить и не напиться.

Гляжу бестолково в чужие лица,
В кипящую жизнь, в витражи витрин,
Ну что!? Прикажете удавиться!
Иль раствориться на раз, два, три.
Первое дикость, второе нонсенс,
Третьего видимо, не дано.
Смерть, старуха: - Ну где тебя носит?
Где твоё белое кимоно?
Где твои Ады, чистилища, Рай?
Вечная мука, иль вечный покой,
Только вот хочется умирая,
Счастья на миг коснуться рукой.

Не нужна мне твоя нагота,
Не улыбки твои и не ласки,
Извини, всё равно ты не та,
Не звезда из придуманной сказки.

Листва, как первая любовь,
Зеленая и молодая,
И ожидаешь счастья вновь,
На звёзды вечные гадая.

И веришь в радость и успех,
И в тайну вечного рожденья,
Трава, - твой шелковистый мех,
Приятен словно пробужденье.

И в небе майском голубом,
Витают солнечные блики,
И хочется разбиться лбом,
Но стать любимым и великим.

Я в трамвае, а ты в автобусе,
Взгляд скользнул по твоим чертам,
Понял вдруг, что на этом глобусе,
Ты единственная мечта.

Ты в трамвае, а я в троллейбусе,
Снова встреча и снова в пути,
Как же мне в этом жутком ребусе
Ту единственную найти.

Без тебя, как в аду,
Стали жуткими дни,
Позвони я приду,
Только лишь позвони.

Если что-то не так,
Я прошу, извини,
Уж такой я дурак,
Только ты позвони.

На душе у меня,
Как в дырявой трубе,
Я не в силах унять,
Это чувство к тебе.

Как блаженный, ношу,
Образ твой, не вини,
Об одном лишь прошу,
Позвони, позвони.

Ни продвиженья, ни прогресса,
Ни здравомыслящих идей,
Эпоха воровства и стресса,
И истребления людей.

Ни доброты, ни пониманья,
Ни благородства, ни венца,
Лишь плюрализм, покрытый тайной,
Себя съедает до конца.

Сыпь демократии бесплотной
Взамен закона и творца,
Страна концепции свободной
Без собственного лица.

Бор серебряный, бор серебряный,
До чего же ты всё же красив,
Эту чудо сосново-вербяное,
Богатейший Москвы массив.

Я от сердца тебя приветствую,
Пусть об этом услышат все,
Хоть и полностью не соответствую
Ненаглядной твоей красе.

Я в тебе живу и работаю
И не важно где и кем,
Сердце рвется сплошной позолотою
К окружившей тебя реке.

С этим явным московским названием,
Лучше всяких приточных имён,
Пусть я беден и пусть без звания,
Но в тебя откровенно влюблён.

Работящий, не глуп, не ветреный,
Я пишу вам душой и рукой,
До востребования, бор серебряный,
Окружённый Москвою рекой.

Какие женщины вокруг, какие лица,
Какие талии, или какой объём,
То ль удавиться, то ль застрелиться,
То ль броситься в бездонный водоём.

Какие женщины кругом, какие лица,
Какие ноги и какая стать,
Мне хочется внимания их добиться,
И преданным рабом для каждой стать.

Какие женщины, глаза, какие взгляды,
Какой букет прекрасных хромосом,
С такими очень хочется быть рядом,
Пусть даже не рабом, а верным псом.

Для совсем незнакомых, для ближних,
Моя выстраданная строфа,
Да в поэзии я – верижник,
Аутсайдер и просто профан.

Не дано мне великое счастье,
Так писать, чтоб звенела душа,
Чтоб в стихах, словно в высшей власти,
Жили люди лишь чудо верша.

Снег упал на притихшие улицы,
Полубуйтесь, ведь вечер каков,
И луна уморительно жмурится
От доставших её облаков.

Лепота окружила окрестности,
Канут в вечность любые слова,
От торжественной неизвестности
Слабо кружиться голова.

На востоке таинственной дымкою
Зарождается новый рассвет,
Звёзды прячутся невидимками,
Миллиардами светолет.

Стоял такой февраль, что птицы пели,
Капель стекала, снег и лёд круша,
То ль у весны дошло до репетиций,
То ль у зимы закончился аншлаг.

Сияло солнце, голубело небо,
Кружились белки в танце заводном,
И словно бы оправданная небыль
Гремело сверху, словно первый гром.

Ты достала меня, достала
В неуёмной моей любви,
Свергнут разум мой с пьедестала,
Чувства тонут в сплошной крови.

Словно брошен я в смерти объятья,
И причём никого не вина,
Это светло вишнёвое платье,
Словно омут, скрутило меня.

Этот нос, эти губы и брови,
А в особенности глаза,
В каждодневной приметнейшей нови,
Будоражат меня, как гроза.

Словно смерч, твоя шея и груди,
Как тайфун твоя талия, низ,
Я расстрелян из всех орудий,
Твой фанат, твой слуга, твой каприз.

Я хотел пожертвовать бы многим:
Счастьем и здоровьем, быть в долгах,
Лишь бы вечно видеть эти ноги
В кожаных, высоких сапогах.

Я бы мог всю жизнь прожить в присядку,
А потом спокойно умереть,
Лишь твою высокую посадку
Пред собою всюду лицезреть.

Я готов с высокого причала
Безвозвратно в море сигануть,
Лишь бы твою талию венчала
Эта чудодейственная грудь.

Я желал бы стать твоей собакой
Иль рабом, чтоб преданно служить,
Чтоб твоею милостыней всякой
Словно самым ценным дорожить.

Уж простите фея и богиня,
И хозяйка этих милых глаз,
Что своими чувствами благими
Я посмел вдруг потревожить Вас.

Поёт капель, солируют ручьи,
Лучам горячим, солнечным внимая,
За женщин, за замужних и ничьих
Бокал вина я гордо поднимаю.

Поверьте мне, действительно я горд.
И это далеко не небылица,
Что средь мужских, забытых богом морд
Господствуют классические лица.

И не судите строго, мужики,
И не смотрите на меня так косо,
Мы перед ними простые лишь жуки,
А они же очаровательные осы.

Травы скошены, люди опрошены,
Даже кровь на анализ взята,
Что плохого, а что хорошего
Каждодневная мутата.

Деньги вложены, заморожены,
Индексация на сто лет,
Перестройка, ну как положено,
Самолёт – на одном крыле!

Вклады личные, обезличены,
Восемь процентов годовых,
Ставки снижены, ограничены,
И для мёртвых и для живых.

С переменками и с задержками,
А не то, что в положенный срок,
Платят мясом, крупой, одеждою
Государственный свой оброк.

Дачи строены, обустроены,
БМВ, Мерседесы, форды,
По России колоннами стройными,
Занимают свои ряды.

И в клоаки политики узкие,
Подкупив, одолжив и нажив,
Оголтелые новые русские
Пробираются словно ужи.

Лыжи смазаны, «Думы» подмазаны,
Что для них негодующий смех,
Для него ведь в законе указано,
Рабство вечное или смерть.

Нельзя высасывать из пальца,
И ждать наития с небес,
Уж коль рождён неандертальцем,
То не поможет даже бес.
Нельзя высасывать из пальца,
Коль не умеешь не уметь,
Попробуй просто в темпе вальса,
Войти в земную круговерть.

Солнце спину выгнуло,
До десяти подпрыгнуло,
Мартовская пятница
Ярким светом дразниться.
Все коты и кошечки
Спрыгнули с окошечка.
Катеньки и Васеньки
Дружно чертят классики,
Женщины надеются,
Мужчины чаще бреются.

Пусть я пью и закусываю рукавом,
В небогатой своей потребности,
Я плевать хотел на всех у кого
Денег больше, чем звёзд на небе.
Я богатством своим небольшим не кичусь,
Благородством, умом, добротой,
Но душою всегда к бесконечности мчусь,
Одинокой звездой золотою.

Мне б лишь твою улыбку, мне бы
Твой взгляд, твой жест, твоё: – люблю!
Я розами украшу небо
И льды дыханьем растоплю.

Я для тебя раздвину горы
И разведу меж них сады.
Из радуг навяжу узоры,
Любовь прикрою от беды,

Я разгоню вражду, ненастье,
Я сочиню вселенский стих.
Лишь только б розовое счастье,
Кружилось возле нас двоих.

Утро весь день в небесах пировало,
Ямбом, хореем, и даже анапестом,
Ночь расстелило свое покрывало,
И спрятав под ним все остатки от трапезы,

Сразу возникли и «охи» и «ахи»,
Туча нависла тяжелым характером,
В небе витает один амфибрахий,
На одну четверть разбавленный дактилем.

Закрутилось, завертелось,
Да не так как бы хотелось,
Слишком круто, слишком бойко,
Одним словом перестройка.

И без видимых помех,
Всё дерьмо всплывало вверх,
Под себя подмяв закон,
Богатеют без препон.

Не характер правит, - нрав,
Кто сильнее тот и прав,
Тот, кто жертвовать готов,
Превращается в рабов.

Чистят, моют, сторожат,
Иль к свободе вход зажат,
Счастье своё твори,
За две тысячи, за три.

И не долларов – рублей,
Живи жизнью королей,
Не понять, видать верхам,
Что не правит балом хам.

А пока они поймут,
Люди скинут свой хомут.

В одну из пятниц дня рабочего,
Наполненный, иль без идей,
Я еду с «Галлиннской» до «Бочвара»,
В родной мне ставший «Берендей».

Как в океан впадают реки,
Как глетчеры ползут с горы,
Так в эту дверь библиотеки
Спешат таланты и дары.

Здесь мир искусства, мир творенья
До высших сфер от ремесла,
Здесь можешь вырасти до гения,
Ведь здесь ведущий мэтр Сван.

Здесь так легко не принужденно,
Что рыбой чувствуешь в воде,
Здесь всяк поэт новорожденный
Окажется в своей среде.

Его возрастят, ему помогут,
Ему подскажут верный путь,
И выведут на ту дорогу,
С которой больше не свернуть.

Дорогу красоты и счастья,
Проспект любви и доброты,
И будут мысли твои мчаться,
Стихами в светлые мечты.

Ещё слегка дрожат качели,
Зигзаги лёгкие верша,
Те, на которых вы сидели,
Читая что-то не спеша.

Они ещё хранят и помнят
Ваш запах тела и тепло,
Я буду ими верно понят,
Коль прикоснусь своим плечом.

И к деревянному сиденью,
И к перекрученным ремням,
Ушли, остались лишь виденья,
Но так влекущие меня.

И мысли вдаль мои умчались,
Мечтой о вас, как о жене,
А вы качались, вы качались,
Не зная даже обо мне.

Я опять загадал на звезду,
Я опять загадал о тебе,
Но любви своей борозду,
Не могу я доверить судьбе.

Ведь опять она подведёт,
Мне на счастье не выпишет чек,
И боюсь, счастье мимо пройдёт,
И опять я останусь не с чем.

И тогда гадай, не гадай,
Всё вернется на веси свои,
Не придут ни она, ни звезда,
Как не мысли и как не зови.

И поэтому хочется мне,
Над судьбою возвыситься вверх,
Верю, этого хватит вполне,
На любовь твою, на успех.

Меня всегда тянуло на красивое,
Как тянет на ученье мудреца,
Хотя похож на мерина был сивого,
А всё косил под норы жеребца.

Меня всегда тревожило прекрасное,
Душа поэта, что не говори,
Всегда хотел быть соколом я ясным,
Но не годился даже в снегири.

Но всё стремился ко всему высокому,
Благую душу славой теребя,
Не дотянул мечтою я до сокола,
А просто стал похож на воробья.

Я люблю быть в аншлаговом времени,
Всем легко, откровенно и здорово,
Я люблюсь твоими коленями,
Как пародиями Задорнова.

Я люблюсь твоею прическою,
И одеждой твоей от Крамера,

Так прекрасна и так не броска ты,
Хоть живая, но как из мрамора.

И улыбка твоя «Джокондова»,
И манеры твои «Венеровы»,
Ты не только мечта Джеймс Бондова,
Ты любовь моя самая первая.

Не хочу пред тобой быть петрушкой,
Как стараются этому многие,
Мне бы прямо как там, у Трушкина,
С высоты к тебе под ноги.

Ты прости уж поэта дерзкого,
Не владею красою я броскою,
Был бы с физией как у Вишневого,
То попал бы в твою «авоську» я.

Да, в жизнь мою судьба внесла поправки.
Хоть что угодно я представить мог:
лиловые костюмы, платья, плавки,
но чтоб глаза лиловые – о, Бог!

Ведь бросила ты мне кошмарный вызов.
Я до сих пор повержен и смущен.
И для твоих малиновых капризов
Я полностью, поверь мне, совершен.

На этой маленькой планете
Хоть взглядом и необозримой,
Зажат я, как деталь в люнете,
И жду резца иль абразива.

Быть может, что-нибудь получится,
Хотя бы после обработки,
Пока же продолжаю мучиться
Судьбою скрученный в середке.

И видел я мало и знаю я мало,
Не всюду поездил, не все прочитал,
Живу словно бомж с чердака иль с подвала
И в жизни не значу совсем ни черта.

Пусть путь любви прошел наполовину,
Но нет дороги мне теперь назад.
Готов покорно я подставить спину
Под Ваш прекрасный и изящный зад.

Хотя не быть мне мужем или другом,
Да и другого нечего мне ждать,
Могу лишь стать спасательным я кругом
Конечно, если будет в том нужда.

Не вышел ни лицом я и ни рангом,
И не богат, и грусть топлю в вине,
Моя любовь крылатым бумерангом
Все время возвращается ко мне.

Но до конца, конечно, не удастся
Преодолеть мне свой любовный путь,
Но за свою мечту я буду драться
Ну, сделай из меня чего-нибудь.

Сижу один, рифмую чувства
И к этой женщине и к той.
Быть может, все-таки зачтутся
Они иль летом иль зимой.
Сижу один, шлифую чувства
К единственной и дорогой,
И у поэзии искусства
Стою уже одной ногой.

Вся жизнь моя была ошибкой,
Хоть заново совсем родись.
Пред царственной твоей улыбкой
Стою я голый, как нудист.

Пред красотой твоею вечной
Я устоять совсем не мог,
И весь мой облик человеческий
Лишь след твоих прекрасных ног.

Кроется в мозгу мыслишка,
И убрать её нельзя.
Для меня – красивы слишком
Твои дивные глаза.
Сердце теплится надеждой
Словно лучик золотой,
Но боюсь прослыть невеждой
Пред твоею красотой.

На душе полно сомнений
Хотя чувства марш трубят.
Даже если б был я гений
Все равно ни про тебя.
Тешится мечтой пустою
Моя глупая любовь.
Хоть тебя совсем не стою
Но люблюсь вновь и вновь.

Здравствуй, розовое утро,
Здравствуй, город на заре,
Снег, как блески перламутра,
На ноябрьском дворе.

Солнца кремовые нити
Доползают до воды,

Оставляя на граните
Свои нежные следы.

Утки плавают отважно
На проточной полынье.
Мир таких открытий важных
Вдруг рождается во мне.

Влюблен в Вас – вот какая догма.
На век прощаюсь с жизнью бойкой.
Теперь заподлицо подогнан
Под ваш каблук стальной набойкой.

Вновь зима, снова снег и сугробы,
Дует ветер почти ледяной.
Вновь на мне телогрейка над робой,
Мне другого всю жизнь не дано.

Мне доступны метла и лопата,
В холода еще кочерга.
Печь топлю, согревая богатых
С четверга и до четверга,

Чтоб тепло было в доме и в дачке.
Да и в баньке, чтоб было теплей
Я с углем вожу емкие тачки
В кочегарке убогой своей.

И дышу лишь золой или сажей,
Три котла не раззявишь здесь рот.
Я для этих господ просто Саша -
Кочегар и привратник ворот.

Получаю порой подачки
И хватает мне это сполна.
Иногда – это «Мальборо» пачка,
Ну, а реже - бутылка вина.

И живу и тружусь не вникая,
Почему и за что, и зачем.
У людей видно доля такая
Кому – править, кому – быть никем.

В небе солнце ярко светит,
Как корона золотая,
Снеговик детишки лепят,
Комья снежные катая.
Распахнулись куртки, шубки,
Раскраснелись руки, лица.

И морковкой ради шулки
Не хотят ни с кем делиться.
Красный нос у снежной бабы,
Губы и глаза на месте,
Сбросить сорок лет хотя бы,
То же был бы с ними вместе.

Пусть в этом подтвердят мне небеса,
И даже бог, который много выше:
Есть женщины, цветущие, как сад –
Черешень, яблонь, слив и нежных вишен.
Они чаруют каждого в момент,
Они дурманят и благоухают.
Они – не просто легкий перманент,
И чувства с ним надолго не стихают.

Они волнуют, манят и пьянят.
Они даруют счастье и волнение
И можно только на судьбу пенять,
Коль обошло тебя их появление.
Такой вот образ и в меня проник,
Другим в меня теперь не надо метить.
Есть женщины – прекрасны, как цветник,
И их нельзя пройти и не заметить.

Пролистывая жизни своей даты,
Я чувствовал – не сделать мне ремикса.
Все торопился, все спешил куда-то.
А что хотел – да и к чему стремился.
Своей судьбы подсчитывая вехи,
Не видя в них минуты даже звездной,
Я понимал, что думать об успехе,
И что его добиться слишком поздно.
И на душе и в сердце стало пусто.
Перед судьбою стал я на колени
И молча ел соленую капусту,
Да вперемежку с приторным вареньем.

Обласкано любовью небо,
И звёзды робко льнут друг к другу.
Планеты, будто на потребу
По Зодиаку ходят кругом.
Запятнана любовью простынь,
Оргазмом бурного соитья.
Входить в любовь порою просто,
Нельзя же из нее лишь выйти.

Сердце рвется, как лошадь
С надоевшего стойла.
Мне б в какую попроще
А в такую не стоило.
Мне бы скромную верную,
Как замочек к браслету,
Чтобы в ночь нашу первую
Не ушла бы к соседу.
Мне бы – нежную, тихую,
Ну, почти, что из классики.
Чтобы жизнь наша тикала
Равномерно, как часики.

Диким ревом быкую
На четыре все стороны.
Мне влюбляться в такую
Конечно б, не стоило.

Мне чаще надо пить фенозепам,
Иль что-нибудь такое в этом роде,
Поскольку в этом мире тут и там
Стада таких красивых женщин бродят.

Что у меня вскипает в жилах кровь,
А мозг стучит, как молот в наковальню.
Не знаю уж любовь, иль не любовь,
Но становлюсь отчасти ненормальным.

Вселяется в меня какой-то бес
И весь дрожу буквально в лихорадке.
Как будто вижу чудо из чудес,
А до чудес всегда чрезмерно падкий.

И я балдею молча и бешусь,
Пишу им этот безответный стих.
Но, видно, никогда я не решусь
Всего себя отдать одной из них.

Вы можете, Вы все на свете можете.
Из года в год, точнее день за днем.
Сердца мужские красотой тревожите
А души наполняете огнем.

Вы можете, Вы все, конечно, можете
Мужчину сделать тигром иль ослом.
Вы ухажеров, словно ксерокс множите,
Их стало бесконечное число.

Вы можете, вы все на свете можете
И это не слова, а голый факт.
Вы души, как моя, совсем корежите,
А в сердце зарождаете инфаркт.

И это, видно, богом вам дозволено
Мужчину возводить или сводить,
Кому рабом, слугою или воином
При вашей королевской свите быть.

Воскресенье – Москва как вымерла:
Ни работающих, ни клиентов.
Все сидят у квартирному вымени,
Отдыхая на сто процентов.

Лишь консьержи и толпы охранников
И не ради совсем удовольствия
Сторожат в это утро раннее
В гаражах и в подъездах спокойствие.

И азартно дымя сигаретою,
И позевывая от безделья,
Вдруг становятся кто поэтом,
Кто художником в самом деле.

И пускай в небольшом количестве
Проявляется к творчеству рвение,
Воскресенье – твое Величество,
Ты рождаешь порою гениев.

Мне порой улыбаются звезды
И на небе и на земле,
Хоть для них я совсем не создан,
Их улыбки приятны мне.

Значит, я из толпы ими выделен,
Значит, чем-то я их привлек,
Хоть до их совершенства не выбелен
И от их идеала далек.

Ведь нашли они во мне что-то,
В внешнем облике, в сердце, в душе,
Коль улыбки свои охотно
Дарят мне и совсем не «в клише».

И поэтому нет во мне комплекса,
И доволен я жизнью вполне,
Раз земные и звезды из космоса
Иногда улыбаются мне.

Сегодня у меня огромный праздник.
И я себя не знаю куда деть,
Ты нежно назвала меня «проказник»
И разрешила догола раздеть.

И я в восторге полном и блаженстве,
Ведь и мечтать об этом я не смел,
Всех прелестей твоих коснулся женских
И от такого счастья очумел.

Любимое занятие мое,
Поверьте мне, не больше и не меньше,
В тот миг, когда душа во всю поет,
Писать стихи про драгоценных женщин.

Про их улыбки, лица и тела.
Они богини для меня и нимфы,
И словно закусивши удела,
Их образы я вкрапливаю в рифмы.

Пусть не всегда все удастся мне,
Но я всю и искренне стараюсь.
И очень часто днем иль при луне
И сердцем и душою о них я маюсь.

Проходит предо мной, как колдовство,
Забывших женских лиц калейдоскоп.
Мне вспоминать приятно, в самом деле,
Они когда-то сердце, душу грели.

Конечно, я забыть их не могу.
Навеки перед ними я в долгу.
Я и по сей день от того живу,
Что часто вижу их, как наяву.

Они в моем мозгу порой теснятся,
А иногда ночами просто сняться.
И памятью пульсирует в висок
Забывших женских лиц калейдоскоп.

ЕСЕНИНУ

Хоть стихами своими порою доволен,
И звучат иногда в них и бронза и медь,
Мне бы славы твоей миллионную долю,
Во сто крат было б легче тогда умереть.

Но живу, как могу и пишу, как умею,
И до славы, увы, далеко как до звезд.
И никто на надгробье не врежет камеею,
И не вылепит бюст или памятник в рост.

Пришла весна придурковатая.
Орут бездомные коты.
Заткнул я плотно уши ватой.
Пересадил в горшках цветы.

Налил портвейна три семёрочки.
Открыл заветную тетрадь
И стал от корочки до корочки
Бумагу виршами марать.

Быстро жизнь пролетит и захочется вдруг
Стать опять молодым и здоровым,
Прикоснуться к теплу женских губ, женских рук,
Быть любимым, счастливым быть снова.

И захочется вновь, и любить и страдать,
И надеяться в самое лучшее.
На ромашке, сирени, на звёзды гадать,
Верить даже в приметы и в случаи,

Ожиданием мучиться, веря в успех,
В откровеньях искать утешения
И просить за любой даже маленьких грех
И у бога и женщин прощения.

Быстро жизнь пролетит и захочется вдруг
Одного лишь желанья скромного,
Вспомнить всех до одной своих милых подруг
И сказать им: спасибо огромное.

Не умею витиевато ни писать и ни говорить.
То ли лексикой мозг небогатый,
То ль генетикой может быть
И пишу я обычно просто,
Как слагает стихи акын.
Не достичь мне большого роста,
Я останусь всю жизнь таким.
Откровенным, наивным, влюбленным
И в поэзию и в людей.
Даже счастьем пускай обделенный
И отсутствием сверх идей

Некрасивым и небогатым...
Где уж мне в вышине парить
Не умею витиевато
Ни писать и ни говорить.

Мне вас судить! Вы, кажется, больны.
От этой мысли хочется нажраться.
Вы как всегда и правы и вольны
Своей судьбой, хоть как распоряжаться.

Мне вас судить, кто я вообще такой,
Ничтожный смерд пред вашими очами?
И чтоб нарушить нежный ваш покой,
Прошу простить, вы просто одичали.

Вы для меня и солнце и звезда,
Богиня, королева и царица.
Я даже не посмею никогда
Пред вами без приказа появиться.

Мне вас судить – да вы совсем больны.
Могу лишь вами только наслаждаться.
Вы как всегда и правы и вольны
Моей судьбой хоть как распоряжаться.

Я душой никогда не кривлю
Ни вчера, ни сегодня, ни завтра,
Если уж говорю «ай лав ю»,
Значит это – есть голая правда.

Не умею совсем я врать.
Говорю о себе без лести
И душа красотой и добра
Благородством полна и чести,

Лаской, нежностью и теплом,
Человечностью, простотою,
Хоть владею таким добром,
Все равно ничего не стою.

Ведь, наверное, в наши дни
Эти чувства подобны брекче.
Никому не нужны они,
И без них жить – намного легче.

ОЛЬГЕ

Меня теперь всегда бросает в раж,
И даже в счастье откровенно верится,
Когда в тридцатый собственный гараж
Приходит его юная владелица.

И я теряю разум и покой –
Она богиня, королева, жрица,
И под её ногой или рукой
Мне хочется все время находиться.

В жизни началась другая вежа.
Я влюблен под самую завязку
В женщину похожую на Пьеху.
В женщину – прекрасную, как сказка.

Я влюбился, кажется, мгновенно.
Мозг и сердце бьются в унисон.
В женщину – подобную Вселенной,
В женщину – прекрасную, как сон.

В жизни мне теперь одна утеха –
Любоваться вечно, неустанно
Женщиной похожей на Пьеху,
Юною владелицей «Ниссана».

Все они походкой от бедра,
И все прекрасные, как звёзды.
Жаль, что умирать пора
И думать мне о счастье поздно.

Но где-то в мозгу ползет
Мыслишка клещатым раком.
А вдруг еще повезёт
Прожить лет десяток с гаком.

И может одна из них,
У которой бёдра покруче,
Родит из меня тот стих
Что станет в поэзии лучшим.

Нет, я еще совсем не одичал.
Еще чего-то сердце ощущает.
Хотя домашний скромный мой причал
Почти никто, увы, не посещает.

Родных и близких нет, судьбой забыт,
С друзьями перезваниваюсь редко,
Про жизнь мою не скажешь; даже быт –
Так, между тленом и тюрьмой, - серёдка.

И вроде и надеюсь и хочу
Я для себя другой, поверьте, доли;
Но день за днем отчаянно влачу
В загробный мир остатки своей воли.

Но хочется однажды светлым днём
Отпрянуть разом от тюрьмы и тлена,
И стать пусть ни звездой, ни звонарем,
Ну, пусть хоть чем-то, - необыкновенным.

Если в душе беспредельная скука –
Если потеряны смысл и суть,
Пусть вам подвоют кобель и сука
Может тогда полегчает чуть-чуть.

Если на сердце тревожно, не сладко,
Словно сдавило тяжелой плитой.
Пусть вам помогут самец или самка
Лаской своей и своей добротой.

Не люблю суббот и воскресений,
Праздников, - любые торжества.
Лишь бы только буднями осенними
Наблюдать, как падает листва.

Не хочу ни денег, ни веселья,
Не нужны ни ранги ни посты,
Лишь бы только буднями осенними
Любоваться паданьем листвы.

Не спешите к загробному раю.
Нет его в небесах, как и ада.
В нищете или в достатке сгорая
На земле господа жить лишь надо,
Хоть питаетесь коркой вы черною,
Хоть ведете вы трапезу барскую,
Нет - не жить вам там жизнью повторною,
И ни адскою, и ни райскою.
Так ищите умиротворения
На земле для людей обетованной.
И другого не может быть мнения.
Говорю вам вполне обоснованно.

Грациозны, красивы, свободны
Могут злыми и добрыми быть.
Вот кому посвящать надо оды,
Восхищаться и вечно любить.

Чёрно-белые, рыжие, серые,
С мелкой шерстью, а лучше с густой,
Я души своей всеми перлами
Восторгаюсь их красотой.

На кровати, в траве, на окошке
Для мышей, для тепла, для души.
Ах, мои своенравные кошки,
Как вы всё-таки хороши.

Как бы ни трудно жилось человеку,
Как ни терзали бы муки души,
В лету, а то есть забвения реку
Кинуться раньше никто не спешит.

Хочется всем хоть как, иль привольно
Жизни вкусить до самого конца.
Ну а потом – то ли выстрел контрольный,
То ли недуг, то ли дух к праотцам.

Всем никогда не угодишь
Как ни хоти, как ни старайся,
Скорей себе лишь навредишь.
Поэтому остерегайся.

Ведь разные на свете есть
И люди, мысли и деянья.
Твой комплимент сочтут за лесть,
А доброту – за подаянье.

И людям делая добро,
Себя старайся не навязывать.
Тогда деяний серебро
Не будет патиною смазано.

Тогда, конечно, может быть
По всем статьям, по аналогии
Хоть не любить, но позабыть
Тебя не смогут очень многие.

Наглotalся я демократии
Аж по горло, уже тошнит.
Олигархи и партократы
Пораскрыли свои клешни.
А правительство, словно демон,
Жизнь как будто в кошмарном сне,
На свободе угрюмый демос –
Но не знает, что делать с ней.
Толь за три умирать от голода,
Толь за пять кое-что пожевать,
И в клоаках большого города
Как-то пробует выживать.
Ну а кто-то от жиру бесится
За фуршетом, верша фуршет.
Вот такая идет куролесица
И конца ей и края нет.
Не понять им тупоголовым,
Что они под собой рубят сук,
Что они своим веяньем новым
Ни себя, ни страну не спасут.
Расползется все к чертовой матери.
И останется только мираж.
Так что – будьте, верха, повнимательней,
Демос – это фундамент ваш.

Бывают дни, когда совсем не пишется,
Как будто над тобой какой-то рок.
И как ни собираться, как не пыжиться
Не сочинить в мозгу и пары строк.

Сегодня день как раз такой, наверное.
Как будто нагнетание грехов
И настроенье, как погода скверная,
Ни до чего – ни даже до стихов.

То был я на Заречной, Савченко
В «двух капитанах» - Саней был.
Нет – ни артистов, ни красавчиков,
Героев этих я любил.

Был Д'артаньяном, князем Мышкиным,
И Тихонова примерял,
Хоть и давно уж не мальчишка я,
Но не меняю идеал.

Ульяновым был и Баталовым,
И очень часто Лановым,
Мечты и радости немалые
Мне приносили фильмы с ним.

Любил я Даля, Леню Быкова.
Да всех не перечислишь их,
И от искусства их великого
Родился этот малый стих.

Творите, милые, играйте
Всегда за совесть, не за страх,
И никогда не умирайте,
Хотя бы в зрительских сердцах.

Счастье даже во сне не снится,
Не везет мне, хоть ревом плачь.
Мне навеки не схорониться
От доставших меня неудач.

Чики-пуки, лафа и клёво –
Этот сленг мне совсем не знаком.
Из него одно только слово
Мне известно – сплошной облом.

И не знаю, куда уже деться,
Словно меч свой занес палач.
Мне до смерти не отвертеться
От преследующих неудач.

Жизнь, как будто мустанг брыкается,
Все старается дать под дых.
То ли маяться, то ли каяться,
Все равно не уйти от беды.

Всё равно меня горе настигнет,
Как его и не избегай.
То ль на ровном, а то ль на стыках,
Хоть ползи, хоть пустишь в бега.

То ли в землю пускай корница,
То ль на дно ложись, как балласт,
Всё равно несчастье отыщет
И уйти от себя не даст.

Словно ночь надо мною смыкается,
Даже света мне не видать.
То ли маяться, то ли каяться,
То ли сразу «концы отдать».

Как алюминиевый дуршлаг,
Навис, промокнув свод небесный.
Тоскливо спряталась душа
В какой-то уголок телесный.

Устало сердце отбивать
Свой четкий ритм с утра до вечера.
Судьбе уж стало наплевать
На весь мой облик человеческий.

Я жду, когда же солнца луч
Разгонит это наважденье,
И после надоевших туч
Начнется чудное рожденье.

Рожденье солнечного дня,
Великих мыслей без предела,
Рожденье нового меня,
И сердца и души и тела.

Я поздно понял, что мне пить нельзя.
У Бахуса был просто на подхвате,
И кайфовал, почти не тормозя,
Пока судьба не крикнула мне – хватит.

Но не хватало силы воли мне
С питьем покончить одним махом – сразу.
Расстался с водкой, стал тонуть в вине.
Ну, как же бросить эту всю заразу!

И все же случилось горе у меня –
Инсульт ударил в тело и в висок,
И я теперь на протяжении дня
Пью только воду, молоко и сок.

ЛЮБОВЬ КОНСЬЕРЖА

(посвящается Джойс)

Любить вас, видно, мне судьбой дано.
Такая у меня уж в жизни участь.
То радость принимая, как вино,
То как с похмелья водочного мучась,

Ловить движенье рук, движенье глаз.
Порою даже пылко, оголтело,
И нежно восхищаться каждый раз
Красою вашей, и лицом и телом.

И чувствовать Вас нервом самым тонким,
И с нетерпеньем, как собака ждать,
Когда вы выйдете одна или с ребенком,
Чтоб руку Вам хотя б поцеловать.

А может сумку поднести удастся,
И услышать «спасибо» – как всегда.
Вы для меня – и кров, и государство.
Вы для меня – и фея, и звезда.

Извини, я к тебе прикипел,
И не в силах тебя позабыть.
Словно волк на звериной тропе
продолжаю и выть и скулить.

Ты вошла в мою жизнь и ушла,
и остались мне грусть и печаль.
Ведь в прошедшем судьбы вороша,
я подобной еще не встречал.

И поэтому сердце саднит,
и поэтому ноет душа:
потому что ты солнцу сродни,
потому что ты так хороша.

Какая, к черту, демократия,
и кто ее нам застолбил?
Тупой вождизм в таком же платье
еще сильнее, чем и был.

И в зеркалах чрезмерно вогнутых
вскипают души, как вода.
Опять спешим на полусогнутых
туда–сюда, туда–сюда.

Из-под очков надменно выпуклых,
из-под жестоких тонких губ
безосновательные выхлопы
и по друзьям и по врагу.

Цветет махровое бесправие.
К чему же к прошлому следы?
И без застоя и без Сталина
оно растит свои плоды.

Народ замучился, охрипнувши,
верша свой жалкий плюрализм,
чтоб после выпимши-невыпимши
опять уйти в глухую жизнь.

И листопадный вихрь меня не закружит,
хотя на сердце и в душе багрянец.
Мою судьбу несчастье сторожит,
я жду с тоской, когда беда нагрянет.

Я в этот мир на муки лишь рождён,
и ждет Господь финал эксперимента.
Ещё живу, еще не побеждён,
хотя на грани этого момента.

Ещё стараюсь что-то ощущать
помимо бед, несчастья и боли:
любить друзей, да и врагов прощать,
но не хватает сил уже и воли.

Как бы хотелось, вытащив тесак,
и несмотря на слабость и на годы,
заткнув судьбу за собственный кушак,
им полоснуть по собственным невзгодам.

Над планетой летит «Буран»,
видно в нас осталось и есть.
Только рано кричать ура,
Как бы снова в лужу не сесть.

Распродали даже Байкал,
кожу, мех, алмазы и сельдь.
Не хватает нефти, белка,
как бы снова на мель не сесть.

Демократия, как сюртук,
кто надел, тот и будет пан.
Плюрализм, как большой уют,
смело брошенный в океан.

Не живу, отбываю повинность,
будто я перед кем-то в долгу
за наивность свою, за невинность,
за незрячие мысли в мозгу.

Не живу, отбываю повинность.
Даже в мыслях представить боюсь
распрекраснейшую картину,
где свободным я становлюсь.

Не живу, отбываю повинность,
как в неволе прирученный конь.
И проходит моя нетерпимость,
и слабеет надежды огонь.

Не пахнет из моей квартиры шами.
Не слышно женских, детских голосов.
Я на один с ненужными вещами,
Я на один с собой, в конце концов.

Дверь не откроет русая, шатенка.
Обоев некому сменить уже узор.
Поделками увешенная стенка
Ничей уже не восхищает взор.

Я жил безлико, скучно, без основы,
Как будто жизнь моя всего аванс.
Как будто после смерти в жизни новой
Судьба мне предоставит лучший шанс.

Но после смерти ничего не будет,
И ничему, конечно, уж не быть.
Так торопитесь жить, земные люди,
Спешите создавать, да и любить.

Не пускаю тоску на жильё,
Хоть состарился, что поделаешь.
Ведь танцует сердце моё
Среди этих прекрасных девушек.

Хоть колосьев нет, лишь стерня,
Но и та прорастает всходами.
Ведь, поверьте, душа у меня
с положительными электродами.

Откровение в первую очередь –
я влюбился в вас. «Се ля ви!»
Вы, конечно, годитесь мне в дочери,
но ведь возраста нет у любви.

Я люблю вас, увы, платонически,
обуздав свои чувства и прыть.
И могу лишь порой поэтически
своё чувство пред вами открыть.

Вы, богиня, звезда, всё едино.
Я пред вами и раб и осёл.
Но бывают у простолюдина
чувства, словно горящий котёл.

Обожгу свои чувства дочерна,
пусть горят, словно сотни пластов.
Вы, конечно, годитесь мне в дочери,
но ведь нет у любви возрастов.

Филигранная стрижка
Рыжеватых волос
Хоть давно не мальчишка,
А влюбиться пришлось
В небывалую бездну
Этих глаз голубых,
Я навеки исчезну,
Если буду без них.
Светло-рыжая стрижка
Этих чудо волос,

Мне без вас просто крышка,
Говорю вам всерьез.
Что же делать мне, право?
Я горю, как в огне,
И ни влево, ни вправо
Не свернуть уже мне.

Заползает туман и на город, и в окна, и в душу.
Сердце еле на норму сбивает свой ритм.
Я немного боюсь, я немножечко трушу,
Ведь кончается жизни моей алгоритм.

Где найти мне другой только ярче и шире,
Чтобы не был в дальнейшем я так одинок.
Я молюсь на тебя в одинокой квартире
И с надеждою жду долгожданный звонок.

Я увидел тебя среди высокой травы.
Ты была словно чудо-жар-птица.
Жизнь моя началась, видно, с новой главы,
Ведь ни мог я в тебя не влюбиться.

Потому что ты – ангел, сошедший с небес,
Потому что ты – фея влюбленности,
И попутал меня то ли бог, то ли бес,
То ли к женщинам царственным склонности.

Но, увидев тебя, я не смог утерпеть
Ни в словах откровенных, ни в чувствах.
Так позволь тебе песню или оду пропеть
Пусть на нижних ступенях искусства.

И проходят слёзы, как глоток
Жидкого никчемного портвейна.
Я кладу на жизненный лоток
Всю судьбу несуженного гения.

И жить нельзя, и умереть нельзя,
И не влекут ни сон, ни поле брани.
Как по наклонной плоскости скользя,
Пустых надежд обламываю грани.

Я прошу тебя, будь последней.
Мне не выдержать новой любви.
Разбросай сапоги по передней,
Только рядом со мной живи.

Говори, всё что хочешь, вынесу.
Лишь одно не могу понять.
Неужели из сердца вынесла
И любовь мою, и меня.

Разругайся, раздай пощёчины
По щекам моим, но прости,
И пойми, что уже в расчёте мы
И что лучше меня не найти.

Успокойся и призадумайся,
Выпей что-нибудь, ляг в кровать.
Ах, какая ты все-таки умница
Что даёшь мне себя целовать.

Хотелось сделать откровенный шаг
И в мир земной, и в мир потусторонний,
Но слишком рано выцвела душа
От лени собственной и от чужих ироний.

Простите, люди, что всю жизнь любя,
Весь этот мир, не будьте уж в обиде.
Не смог вас осчастливить всех скорбя
Лишь о своей потерянной планиде.

Люблю пору рожденья красок,
Освобожденья талых вод,
Когда зюйд-вест и свеж и ласков
Влетает в птичий хоровод.

Люблю сверкающие лужи,
Похожие на озера,
И в небесах сплетенье кружев
почти без края и конца.

Люблю весеннее раздолье,
Воображенья миражи
И в этот миг прощаюсь с болью
и начинаю снова жить.

Жизнь не станет ни лучше, ни хуже,
Если голос свой завтра отдам.
Никому сейчас вовсе не нужен
Тот иль этот российский Адам.
Нам нужны совершенные боги,
Чтобы знали на что и куда,
Чтоб не стало "больных" и "убогих".
Остальное, увы, ерунда.

ПОРТРЕТ ПУГАЧЕВОЙ А.Б.

Ведь ты всё видишь и всё знаешь,
Скажи мне прямо со стены:
Какая боль во мне сквозная
Не знает за собой вины?

Ведь прожил жизнь, хоть одичало
Ни в чем плохом я не был спец.
Скажи, где боли той начало
И будет ли её конец?

А боль в мозгу, в душе и в сердце
С тех пор как вверил я свой дых
Судьбе, открывшей настезь дверцы,
Но не пускающей любых.

А лишь тебя – мечту благую
Вобрал в себя уж с давних лет
И жить так больше не могу я
Тебя ведь нет; один портрет.

И мне, как жалкому плебею,
Лишь только на портрет смотреть,
И я смотрю, любя, робя,
Ах, как бы впрямь не умереть!

Хочу быть верным твоим псом.
Имею к этому зачатки.
Служить и охранять твой сон
И приносить в губах перчатки.

Окончился души фристайл
И в сердце стукнулась беда.
Я птицей, выпавшей из стаи,
Пикирую на провода.

На небо жёлтый месяц вышел,
Легко гарцуя по ночи
И я на лыжной базе слышу
Дыхание своей печи.

Работают насосы дружно,
Поддув гудит, как господин,
И гонит воду в пар натружено
Котел под номером один,

Давленье держится стабильно
Температура шестьдесят,
И лампочки огнём дебильным
В ночную сторону косят.

Я себя осуждаю, - а толку,
Всё равно ничего не могу.
Не подобен я сильному волку
Перегрызть злобно горло врагу.

Да и нет у меня этой злости
Съесть кого-то, голодным в пургу.
Но обглаживать старые кости
Не терплю, не хочу, не могу.

Сошлись в цветах вода и небо
Промеж них краскою листва
И, наклонясь, целуют вербы
Реку холодную в уста.

Желтеет пляж у переправы,
Мелькает бакен, как хорей
И тучи, словно жизни главы
И впрямь, чем дальше, тем серей.

И на душе такая серость,
Хоть где-то зиждется тепло.
Куда же наше лето делось?
Куда же счастье утекло?

Дождик бреет день за днем кусты,
Заражая всю природу спидом
Ветки, как крысиные хвосты,
Тут и там пугают своим видом.

Быть, как тысячи других?
Ни в борьбу не лезть, ни в драку.
А из помыслов благих
Лишь выгуливать собаку.

Быть, как тысячи других?
Не вникая, понимая,
Сочинять свой слабый стих
Никуда не посылая.

С негодующим лицом
Так, иль выпив полбутылки
Быть правдохой и борцом
За столом или в курилке.

Быть, как тысячи других?
Оголтелых и ненужных
Что чужих или своих
Под закон или под ружья.

Быть как тысячи других
В смысл жизни не вникая
через мертвых и живых
Самого себя толкая.

Быть, как тысячи других?
Нет, самим собою буду
Лучше честные враги
Рядом, чем друзья-иуды.

У нечестных людей два лица,
Две политики, две амбиции.
Очень трудно узнать подлеца
И тем более из столицы.

К черту "Труд", "Комсомолку", "Вечерку".
Надоело ети её мать.
Воробей за окошком зачевкал,
Лишь его я хочу понимать.

Надоели "Неделя" и "Правда"
И курсив и безликий петит.
Под ногами весенняя травка
Новобрачием шелестит.

Не куплю больше я "Аргументы",
Ничего я не буду читать.
Лучше радуги солнечной ленты
Буду взором, душой обнимать.

Впереди мужик несет щенка,
Он себе нашел на радость друга.
Сзади в перламутре и в шелках
Тоже, видно, чья-нибудь подруга.

Ну а я и нищ, и одинок,
Ни собаки, ни жены, ни славы.
Скоро, видно, покупать венки
Втридорога у родной державы.

Мук своих никому не отдам,
Буду пить в одиночку "Агдам".
Пусть плюют мне и гадят в нутро
Буду делать одно лишь добро.
Ну а если придет умереть
Я воскресну и буду терпеть.

Я буду камни грызть, я буду землю есть,
Лишь только бы владеть твоим вниманьем.
Забуду все – ум, совесть, гордость, честь,
Ловя твои приказы с замираньем.

Я буду делать все, что скажешь ты,
Твоим движеньям уст и рук покорный,
Но как легко уводят от мечты
"Агдам", "Памир" и этот "Доктор Чёрный".

Были мощь, терпимость, сила.
Были мысли, ремесло.
Ах ты, матушка Россия,
Что ж тебя так понесло.
То ли вспять, толь восвояси,
Толь башкою о порог.
Моссовет – сплошные ясли,
А Верховный – демагог,
Что реформа, то зацепка.
Спекулянт иль теневик,
Кто же держит нас так цепко
Демократ иль большевик?
И на "сказочных" законах
Процветает воровство,
Кто еду, а кто иконы,
Кто любое естество,
Сигареты, шмотки, водку
Продают втридорога.
У кого большая глотка,

Тот отхватит с пирога.
Остальным – с водой сухарик.
У них логика проста
Или глуп или бухарик,
В общем, рыба без хвоста.
Пью, не глуп, но я не рыба
И свою имею плоть,
Я вообще такая глыба,
Что меня не побороть.

Кидались майскими жуками,
Ловя их прямо на лету.
Лицо красивыми руками
Ты закрывала, я фату

Тебе на волосы накинул,
Какой-то тюлевый платок.
Опять в тебя жуками кинул,
А ты, держа в руках цветок,

Не то кляла, не то смеялась,
Но вдруг глаза сверкнули так,
Что боль во мне одна осталась
На эти долгие года.

О, дачный волейбол – пора смятений!
Уже последний солнца луч погас,
Уже ползут луны взошедшей тени,
А ты еще не сделал верный пас.

О, дачный волейбол – призыв надежды!
Луг у болота, лето и мечты
И в гомоне толпы разноодежной
Средь дюжины парней – одна лишь ты.

Одна лишь ты по хутору соседка,
Я пред тобой в душе давно в долгу,

Ты в блоке предо мной стоишь под сеткой,
А я в тебя гасить и не могу.

Удар в прыжке и мяч летит на аут,
В который раз уж переход мяча...
Возьми букет тебе нарвал я – на вот
И ты коснешься моего плеча.

Уже покрыт листвою асфальт,
Октябрь занят икебаной,
И плачет ветер, словно алыч,
А в сердце грохот барабанный.

Ушла совсем, навек ушла.
Так на прощанье посмотрела,
Как тетива – моя душа,
А мысли, чувства, словно стрелы.

Нет, не вернется никогда
Ни встречей, ни кивком, ни взглядом.
Теперь во мне одна беда,
Что нет тебя со мною рядом.

Когда на лбу с кулак заплатка,
Не жди огромного ума.
Россия – бешеная матка,
Россия – тощая сума,

И перестройка всех добила,
Хоть важных дел невпроворот,
Воюют меж собой дебилы,
Покорно злобствует народ.

От съезда к съезду вперемежку
Меня быстро пост на пост,
Везут кровавую тележку
На кладбище иль на погост,

И что вообще с людьми то стало,
Потешный бунт слепой дворни,
Крушат закон и пьедесталы,
Пустыми хлопая дверьми,

И прикрываясь даже богом,
Вершат презренные дела,
Жаль пред двухтысячным порогом
Страна не тех ты родила.

Осень всегда прелестна,
Одно лишь название – осень.
Хочется быть известным
Очень и даже очень.

Даже умом крылатым
Все обозреть, - нет мочи.
Хочется быть богатым
Даже пускай не очень.

В небе необозримом
Вновь золотая просинь,
Хочется быть любимым
Именно в эту осень.

Я ремней для себя не сготовил
Ни узды, ни ярма, ни подруг,
Чтобы в этой отчаянной нови
Ненароком не выйти за круг.

Не надел я намордника жесткого,
Из души своей выбросил плеть,
Чтобы после удара хлесткого
Иль загрызть, или умереть.

Мне бы вам сказать спасибо
За приятные слова
Или может просто либо
Руку вам поцеловать.

Мне бы сделать вас женою.
Вот была бы благодать,
Но боюсь такой ценою
Вас навеки потерять.

Ты прости меня, Родина – мать,
Если хочешь, поставь на вид,
Что не смог до сих пор понять
Ни утрат твоих, ни обид,

Что влачу жалкий жребий свой,
Не надеюсь уже постичь
Ни любовь свою, ни родство,
Ни людей истеричный клич.

Ты прости меня, Родина – мать,
Горьких слез надо мною не лей,
Что не смог я тебя обнять
Перед самой кончиной своей.

Как жаль любовь проходит, как и всё
Как день, как ночь, как головные боли,
И вот уже звезда луну сосёт,
Рождая млечный путь в Вселенном поле.

От тебя ни души, ни словечка.
Так влюбился, - какой же дурак.
Всё горит моя брменная свечка
И не может потухнуть никак.

А ты не ждёшь, ты никого не ждёшь,
Как за тебя мне жалко и обидно.
Когда в окне сумерничает дождь,
И ни надежд, ни радости не видно.

И ты не шлешь, ты никому не шлешь
Обид, приветов, сумасшедших писем.
Ты, как свеча, угасшая живёшь,
Считая, что твой мир так независим.

Но надо снова разбудить свечу,
Пускай горит тебе на счастье, людям.
Я просто это от души хочу,
Пусть даже вместе больше мы не будем.

Как улитка в свою скорлупу,
Мне б поглубже уйти с головою
Или может подобно клопу
Заползти под ковёр и обои.

Пережить этот дикий вертеп,
Эту злую игру в демократию,
А когда придут именно те,
Распахнуть им навстречу объятья.

Опять я опоздал на старте,
Опять споткнулся мой Пегас.
Не жить с богинею мне в Спарте,
Не подниматься на Парнас.
Опять не дотянуть до финиша,
Видать не те уже года,
Придется видно в этой Кинешме
С тобой остаться навсегда,
С мечтой расстаться навсегда.

Перестройка – выцвела душа,
Ум за ум перешагнул незримо.
Утюги пропали и лапша
И за двести с лишним сказки Грима.

Перестройка – тысячи умов!
Съезд от съезда распознать не могут,
Прочитавши тысячи томов,
Не молившись никакому богу.

Как же быть и как вести дела,
Как же раскрутить "мотора лопасть"?
Закусив Россия удила,
С Ельциным летит в глухую пропасть.

А потом с кого искать грехи?
Был бы хоть один, а их ведь тыщи.
Потому так яростно тихи
Лихоимцев правые полчища.

Ни в радостях и ни в уладах
не нежился ни разу я.
Вся жизнь ушла в сплошной осадок
без выходного бытия

и оседанью нет предела
и ни отчалить, ни пристать,
да и кому какое дело,
что с человеком может стать.

Я сам себе бываю гадок,
Что только сплю и пью и ем,
Сгорая над горой тетрадок,
Непубликуемых никем.

Я сам себе порою мерзок,
Что жизнь свою привел в упадок,
Хоть больно по живому резать,
Но только чувствую, что надо.

Нет, я не занимаюсь мордобоем,
Хотя хотелось б коль на то пошло,
Я сердцу подпеваю тихим воем,
Чтобы оно немного отошло.

Я теряюсь в догадках,
Хотя прожил и понял достаточно.
Отчего стало гадко
В демократии нашей загадочной.

Отчего стало больно,
А особенно труженику,
Что хоть в мыслях, невольно
Он готов за оружие.

Этот звон уходящего лета,
Этот девичий визг на реке,
Эта юность беспечная, где ты?
Неужели в таком далеке?

Как свободно дышалось и пилось,
Как в достатке на сердце жилось,
Как безумно цвело и любилося
Не уже ль это все прервалось?

Нет, не верю в ползучую тленность,
Нет, влюблюсь до безумья опять
И влюбился – она совершенство
Ей семнадцать, а мне сорок пять.

ПУГАЧЕВОЙ А.Б.

Загляни хоть на часок,
Дай открыть поэту душу.
Я молебна не нарушу,
Не солгу на волосок.

Загляни хоть на часок,
Ты моим кумиром стала,
У подножья пьедестала
Твоего я лишь песок.

Загляни хоть на часок,
Дай душе моей согреться.
Я не знаю куда деться,
Загляни хоть на часок.

Мы с тобой ровесники
И разнимся маленько.
Ты на высшей лестнице,
Я ж низшая ступенька
Хоть одним же ранены,
Себе признаться вправе,
Я алмаз негранёный,
Ты ж бриллиант в оправе.

Я прошу, ты прости меня, мать,
Ты растила меня и кормила,
Как не хочется умирать,
Но и жить уже больше не в силах.

Но умчаться вслед за тобой
Не дают мне ни память, ни совесть.
Может быть, поборюсь я с судьбой,
В этой жизни хоть как-то устроюсь.

Угасает жизнь и рвутся нити
Радостей, надежд и даже снов.
Я прошу, сердечно извините,
Что совсем от вас уйти готов,

Я прошу, простите меня, люди,
Что не мог вам полностью служить,
Что, как сволочь в праздники и в будни,
Я не прекращал лишь только пить.

Я прошу, простите меня, мама,
Перед смертью мне не утаить,
Что так неумело и упрямо
Мог вас все же искренне любить.

Ты прости меня, святое небо,
Что в тебя лишь только я глядел,
Что как просто жалкая амеба
От тебя так многого хотел.

Ты прости меня, Христос, воскреси,
Что я жил не так, как ты хотел,
Что не стал известным в нашей прессе
И тебя, как надо, не воспел.

Ни зову я никого на помощь,
Разошлись у нас с тобой пути.
Знаешь, жизнь – но ты такая сволочь,
Что не жалко от тебя уйти.

Порой как любят кошек и собак,
Кто б так меня любил хоть вполчину,
Я б подносил перчатки им в зубах,
У ног ласкался, выгибал бы спину.

Все делал бы не покладая сил,
Пока от изможденья не упал бы
И приносил бы им и относил
И разувал и мыл и обувал бы,

И все приказы их бы исполнял,
И даже предугадывал желанья,
И не было б послушнее меня,
И не было б к ним большего вниманья.

Да вот беда – не нужен никому,
А то уж полюбить таки в помине
И коротать придется одному
Оставшуюся жизнь свою отныне.

Вечер зори багровые гасит,
Впереди тёмно-синяя ночь.
Я лечу на Восток на Пегасе,
Чтобы утренним зорям помочь

Разродиться малиновым цветом,
Дать планете и свет и тепло.
Я, наверно, и стал поэтом,
Чтоб такое творить ремесло,

Пробуждать и сердца и души
И стараться их всех обогреть,
Помогать на грозу идущим,
Презирая и тлен и смерть,

Быть помощником близким и другом,
Всем кто божеской жизнью живёт,
Помогать, кто страдает недугом,
Обличать, кто ворует и врёт,

Быть и честным, и благородным,
По возможности не грешить
И стараться быть богоугодным
Только правое дело вершить.

Вечер зори последние гасит,
Темнокожая ночь впереди,
Я лечу на родимом Пегасе,
Чтобы утром их вновь возродить.

На асфальте лежит душа
Изможденная и нагая
И не видя её, спеша
Ходят люди по ней ногами.

А была может быть она
Вся крылата, совсем не тленна
И забот и любви полна
И красы необыкновенной.

Знала счастье и знала горе,
Не вершила свой суд свысока
И была широка, как море
И как горы была высока.

А потом, видно, что-то случилось,
Может, с телом стряслась беда,

И она с ним вдруг разлучилась
И возможно, что навсегда.

На асфальте лежит душа,
Ну бывает – не улетела,
На неё может быть подышать
И она обретет свое тело.

Нет, вас я не предаю и пусть душа в цейтноте
Я только вас люблю и вы мой идеал.
Я сердце вам отдам и на последней ноте,
Вам пропою вселенский мадригал.

Ольге, живущей у «Таджикистана»

Мы не встречались лет, наверно, семь,
И вдруг в дверях районной поликлиники
Во всей очаровательной красе
Волшебные возникли ваши линии.

Я даже сразу вас и не узнал,
Толь от восторга толь от напряжения
Какая то возникла новизна
Во взгляде, голосе, фигуре и в движениях.

Вы были не одна, вы были с мужем,
А я опять один уж "се ля ви"
И я опять был вам совсем не нужен,
Но мне хватало и своей любви.

Хотя вас больше развлекал кроссворд,
Я даже ни на йоту не сердился,
Я все равно был чрезмерно горд,
Что просто рядом с вами находился,

Что вы свое вниманье проявив
К моим стихам, желаете помочь,
Прошу вас, извините за наив,
Обманываться я и сам не прочь.

Прошу лишь вас простите бога ради,
Что я глупец, поверя в чудеса,
И на простом листочке из тетради
Посмел стихи вам все же написать.

Ещё цветок такой не вырос
Сравниться красотой с тобой,
Ни роза, ни жасмин, ни ирис
Ни красный, желтый, голубой

Ни розовый и ни кофейный
И даже нежный анемон
В сравнении с тобой репейник
Так пред тобой ничтожен он.

Ты восхищаешь всех на свете,
Как в небе яркая звезда.
Мужчины, женщины и дети
Тобой любят всегда.

И ты во мне как будто вирус,
Все поглощающая боль.
Ведь в мире тот цветок не вырос.
Чтобы соперничать с тобой.

Что ж со мною ты делаешь, борзая,
Я и так уж ручной, гляди,
Словно пес на коленях ползаю,
Всё стараюсь тебе угодить.

Что ж со мною ты делаешь, дерзкая,
Что решила совсем добить,
Словно щи я обиды трескаю,
Продолжая тебя любить,

Что ж со мной ты творишь, вельможная,
Я и так ко всему привык.
Ведь и выложен и уложен я
пред тобою, как половик.

Что же со мною ты делаешь, милая,
Будь ко мне хоть чуть-чуть добра.
Никакими ведь в жизни силами
Мне тебя из себя не убрать.

Хоть мысли, чувства все вылезли наружу.
Душа и сердце голые совсем.
Я никогда покой ваш не нарушу
Ни действием, ни словом, ну ничем.

Хотя шлея попала мне под вожжу
И я уже не знаю, как мне быть.
Я никогда ничем не потревожу
Прекрасный и размеренный ваш быт.

Хоть от любви уж ничего не вижу,
Глаза застлало будто пеленой.
Я никогда, ничем вас не обижу,
У вас не будет трудностей со мной.

Хоть вас любить себе я разрешаю.
Коль так случилось пусть тому и быть,
Я в жизни никогда не помешаю,
Другому так же искренне любить.

Дождь, как мелкие иголки,
Бьёт озноб аж до костей.
На душе лютуют волки
Всех окрестных волостей.

В сердце словно штырь железный,
Как ремнем стянуло плоть.
В мозг такие мысли лезут
Уж не приведи, Господь.

Рисует голубь веточки
На пороше выпавшей.
Двенадцать минус градусов
Узоры на окне.
Я с дня рожденья Светочки
Стою немного выпимши,
И как ребенок радуюсь
Красавице зиме.

Красивым все одновременно
Любовь и слава и почёт,
Как будто в их обычных венах
Кровь благородная течёт.

О них заботятся, мечтают,
Подарки дарят и цветы,
Поют псалмы, стихи читают
И превозносят до звезды,

На фото и в кино снимают,
Их холят и благодарят,
Их с полуслова понимают,
О них всенощно говорят.

Красивым всё – любовь и ласка,
Вся жизнь, как праздник, как парад.
А я как бедная савраска
Мешку овса безмерно рад.

Не предвестник я не Мессия,
Но желаю в канун торжества
С Новым Годом, моя Россия,
С Новым Годом, моя Москва.

Снега блеск, чудной хвои запах –
Превосходна зимы пора!
С Новым Годом, Северо-запад,
Счастья, ласки тебе и добра.

И газете родной до боли
Пусть сопутствует вечно успех
С Новым Годом, “Октябрьское поле”,
Ты ведь пресса буквально для всех.

И сердца и души расшторены
Ото всех существующих фракций.
С Новым Годом, Тамара Шорина,
С Новым Годом, родная редакция!

Все гадаю орел или решка
Тайный клад за семью печатями.
У любимой моей задержка,
Может, дело идет к зачатию.

И опять продолжаю надеяться
И душою и даже словесно,
То ли мальчик, а то ли девочка
Малый срок, пока неизвестно.

Но, наверно, судьбою подстроено,
Что целую теперь ей пальчики,
Разродилась любимая тройнею
И одна девочка и два мальчика.

Ломать, рубить гораздо проще,
Чем создавать, творить и строить.
Осталась небольшая роща
В конце строгинских новостроек,

И летом и зимой красуется
И в этой царственной обители
Порой собачники тусуются
И реже Бахуса любители.

В ней по весне бывают ландыши,
Грибы по лету вырастают.
Слова здесь произносят важные
И вирши в голове верстают.

Но на душе немного ропщется,
Смотрю я на неё, волнуясь,
Редеет маленькая рощица
В углу у трех строгинских улиц.

Поэта так легко обидеть
Порой одним лишь только взглядом,
Ведь в людях он друзей лишь видит.
Ему в них радость и отрада,

Он зла и подлости не терпит,
Мечтая в лучшее с надеждой
И им порой судьба лишь вертит,
Не чувствуя себя невеждой.

Он в мире всем желает счастья,
Любви, здоровья, много блага.

Ему претят законы власти,
Он не скупец и не делега.

Он прост, как все земные люди.
Он лишь рожден с душой поэта,
А женщин он настолько любит,
Что часто пишет им про это.

Я нашёл своё место под солнцем
И теперь без тебя не могу,
И душа моя также трясётся,
Словно груди твои на бегу,

И волнуется также сердце,
Словно бёдра твои при ходьбе,
Так как счастья заветная дверца,
Я за все благодарен тебе,

За глаза бирюзового цвета,
За улыбку, как майский рассвет,
За зиму, за весну и за лето
И за осени пышный букет.

Я нашел себе в жизни отраду
Ни на день, ни на год, - на века
И мне большего счастья не надо,
Даже пусть ты пока далека.

Я заставлю ещё вас всех
Уважать и меня и стихи мои,
Твёрдо верю, взойдет успех
Над преградами и стихиями.

И тогда в ночной тишине
От господствующего до вассала
Подпоёте вы хором мне
Все стихи, что о вас написал я.

Волос уложенные пряди,
Грудь высока, как на параде,
Чуть уже верх, чуть шире низ,
Вся стройная, как кипарис.
Умна, красива и нежна,
Такая мне жена нужна.

Утро в небо пускает зарницы
По дуге и по осевой.
Я влюбился в одну озорницу,
Ей отроду семнадцать ещё.

Только-только окончила школу,
А вернее какой-то лицей.
Пахнут кремом и кока-колой
Её ямочки на лице,

И глаза, как амурные стрелы,
Бьют в пространство, ища в нём мишень.
И запели стихи менестрели,
Образ твой созерцаю в душе.

И сердца очень многих и многих,
Уже поверьте в сей истинный факт,
И лидирующих и убогих
Стали биться с тобой в один такт.

Утро в небо пускает зарницы,
Восхищая своей красотой.
Пусть же жизнь твоя озарится
Самой лучшей своей мечтой.

Стать тебе хочу я вовсе не мужчиной,
Просто нужной вещью, помоги мне бог.
Я могу быть щеткой для твоей машины,
Я могу быть кремом для твоих сапог.

Ну а если в этом повезет навалом
Главною мечтою всех страстей благих,
Стать твоим роскошным легким покрывалом,
Чтоб слегка касаться прелестей твоих.

Душа от слёз насквозь промокла,
А сердце, словно под мечами.
Ты вся во мне, хоть ходишь около,
Меня совсем не замечая.

Мы даже вовсе не знакомы
Ничем ни словом и ни взглядом,
Хоть от любви моей искомой
Бываешь ты буквально рядом.

Но видно так судьбой устроено,
Не быть на этом свете вместе нам.
Мне лезть дорогой непроторенной,
Тебе же плыть луной иль месяцем.

Хотя январь, но солнце шпарит,
Хотя не греет, но чарует.
Твой образ аж под сердцем шарит
И чувства все мои ворует.

Душа, как на последнем взлете,
К твоей душе всю стремится
И может где-то там в полете
Возможность им соединиться.

С душою гладкой, как нулевка,
И нежной, как персидский шелк,
Вот так некстати и неловко
Я в этот жесткий мир вошёл,

В котором для меня нет места
И даже тёплого угла,
В котором даже властным тесно
От окружающих их благ.

В котором для меня все пресно,
А в их божественном мирке
Все занято, не только кресла,
Но даже лавки на райке.

В котором давят, бьют и грабят,
Цинично богу изменяя,
И поставляют вечно грабли
Для всех похожих на меня.

Ну как же быть, ну что же делать?
Скажите, мудрые отцы,
Терпеть нападки оголтелых
Или пойти под суицид?

С душою гладкой, как нулевка,
И нежной, как персидский шелк,
Вот так некстати и неловко
Я в этот жесткий мир вошел.

На душе и на сердце тревожно
и радостно стало,
будто кто-то возвел в них
божественные этажи.
Это просто любовь прикоснулась
своим покрывалом,
приглашая меня в свои вечные камер пажии.

Уходи из неволи –
Столько солнца вокруг!
Слышишь, ждёт тебя в поле
Твой взлохмаченный друг.

Как и ты, он когда-то
Лишь сидел на цепи,
А теперь ворох мяты
На себя нацепил.

Что ж ты медлишь, дружище?
Слышишь, плётки хлопок?
Иль влюблён в голенища
У хозяйских сапог?

Дерни цепь посильнее,
Ведь она так слаба
И глаза посинеют
У знакомых собак.

Рухнут сразу барьеры
И под радостный вой
Ты промчишься карьером
Весь усыпан травой...

Уходи из неволи -
Столько солнца вокруг!
Слышишь, ждёт тебя в поле
Одурманенный друг.

Перебили всех малиновок в лесу
Пацаны и нерадивые охотники.
Здесь теперь коров, телят пасут,
Валят лес безжалостные плотники.

Разметалась вешняя краса,
Шум сосновый превратился в стружку,
И прошла колхозная коса
По лесным и ягодным опушкам.

Рать берёзок тонких и рябых
Гнёт под солнцем выцветшую спину.
Здесь ходили раньше по грибы,
Собирали спелую малину.

А теперь малинника кусты
Смотрят грустно на рябины кисти,
Здесь теперь с версты и до версты
Раньше гибнут золотые листья.

Льётся синь, поблекшая с небес,
И как будто жалости подружка
Иногда кукует во весь лес
Песнь свою последняя кукушка.

Капли в листве шуршат,
прячась в своей судьбе.
Это моя душа
думает о тебе.

В поле дрожит жнивье
в лёгких ветров лету,
это сердце моё
манит свою мечту.

Над планетою небо поднято,
Как загадка – овал земной...
Было что-то мною не понято,
Было что-то упущено мной.

Как земля под морями синими,
Так печаль моя глубока:
Не пришлось мне руками сильными
Взять судьбу свою за бока...

Даже жизнь, как любую материю,
Надо только суметь понять.
Было мною что-то потеряно
Не найти теперь, не занять.

Не пойму я, что творится,
Что случилось - не пойму?!
Дворник в красных рукавицах
Лупит белую зиму.

Ухватив её за ворот,
Что есть силы молотит,
И на весь огромный город
Снег лишь хлопьями летит.

И летит и оседает
На деревьях и кустах,
И кричит зима седая,
Пряча зори на устах.

Дворник, знай себе колотит,
По лицу струится пот.
Он сегодня на работе
Он зиму сегодня бьёт.

Может, всё мне это снится?
Как понять здесь что к чему.
Дворник в красных рукавицах
Лупит белую зиму!

Отзвенело, отаукалось
По лесам и по лугам,
С леденящей сердце скукою
Жёлтый лист упал к ногам.

Дунул ветер над дубравой,
Разливая в теле дрожь,
Село солнце робкой павою
На неубранную рожь.

В небе синь слегка туманится,
На траве седой роса –
Осень - милая жеманница
Растрепала волоса.

Распустила косы русые,
А из озерных из глубин,
Позолоченными бусами
Стынут ягоды рябин.

На опушках клёны рыжие
Дотянулись до берёз
И стоит трава обиженно,
И роняет капли слёз.

МОЁ СТРОГИНО

Льётся солнца с высот позолота,
Воздух, словно сухое вино,
Куликово мое болото –
Золотое мое Строгино.

Как справляют порой юбилеи
У артистов, певцов - в двадцать пять,
Так с годами район мой взрослеет –
Эту дату он хочет справлять.

Я ведь тоже в те дальние годы
Переехал из центра сюда.
Мне здесь нравится всё: и природа,
И дома, и земля, и вода.

Мой Строгинский родной полуостров
Стал мне домом и другом, и всем,
Что любовь свою чувствую остро
В его прелестях и красе.

Так цветы и красуйся навеки!
Мне другого уже не дано
Восхищай красотой человека,
Мое милое СТРОГИНО!

От себя некуда мне ни деться,
Словно счастьем душа омыта,
Всё зовёт это милое детство,
В золотые свои омота.

Травополье вокруг, травополье,
Гул кузнечиков звонок, высок,
И с какой то неистойвой болью
Бьётся память былая в висок.

Я не знаю со мной что такое,
Но пред этим я вечно в долгу,
Будоражащий запах левкоя
Я никак позабыть не могу.

Не могу позабыть эту речку,
Этих ив, шелестящий узор,
И берёзы, угасшую свечку,
Вспоминаю я до сих пор.

И девчонку, с которой однажды,
Повстречался на том берегу,
Хоть и был я женат уже дважды,
Всё равно позабыть не смогу.

Здесь я в плену у времени,
Жду, чтоб на стол накрыли,
Чайник, как гусь беременный,
С ручкою вместо крыльев.
Мне убежать бы заново,
В ту колыбель что есть,
Вот не упасть бы замертво,
От поцелуев здесь.

Юлька, сядь со мною рядом,
Пусть судачат за стеной.
Похвались своим нарядом –
Юбкой белой, шерстяной.

Протяни наивно ноги,
Не по чьей-либо вине.
В жизни нравилась ты многим,
А в особенности мне.

Расскажи о том, что в школе
Ваш чертёжник – просто зверь.
У меня под сердцем колет
Очень больно уж, поверь...

Расскажи мне о Кирилле,
Как водил тебя в кино.
Даже то, что говорили –
Всё услышать мне дано.

Не дано лишь стать моложе
Ну, хотя б на десять лет.
Я тогда уж смог бы тоже
Взять в кино тебе билет.

Я тогда уж смог бы тоже
Верить в счастье и в успех.
До чего мне дорог всё же
Этот ландышевый смех.

До чего же мне приятен
Нежный запах твоих рук...
Я тебе большой приятель,
Я тебе лишь старший друг.

Юлька, горе мне не ново,
Я немного занемог,
Как хочу я видеть снова
Эту поступь стройных ног.

Как хочу я видеть снова
Эти милые уста...
Не суди меня, больного
Знаешь, просто я устал...

Юлька, сядь со мною рядом.
Пусть судачат за стеной.
Ты одна моя отрада
В белой юбке шерстяной.

Я не люблю, когда меня не любят.
Я не люблю, когда правдивый врет.
Я не люблю, когда живое губят,
Что души, что природу, что зверье.
Я не люблю, когда не уважают
Меня, себя и равных им других.
Я не терплю, когда порой рожают

Никчемных, оголтелых и тупых.
Я не люблю, когда ради награды
Целуют или подставляют зад,
Друзьям и близким маскируют грабли,
При этом даже не смотря назад.
Я не люблю, когда меня целуют,
Не чувствуя при этом ничего,
Когда предусмотрительно балуют,
Чтобы потом пред ними бить челом.

Садовской Г.Л.

Да вас любить мне не хватает чувств,
Хоть нравитесь вы мне невероятно.
Поэтому страдаю и мечусь,
И это чувство для меня приятно.
Приятно мне, когда почти вблизи
Вы говорите обо мне хорошее,
Вытаскивая душу из грязи,
Мою, когда то кем, то в мусор брошенную.
Приятно мне, когда вы не спеша
Свои стихи читаете в салоне.
Моя душа, от счастья трепеща,
Возводит вас царицею на троне.
Да вы – царица всех бессмертных душ
И пред вами все таланты жалки.
Для вас создал, сей спич, а может туш
Ваш почитатель – Александр Галкин!

Душа ошкуренная начисто
И сердце, мысли так нежны.
Скажите мне: какие качества
Вам от меня еще нужны?
Ни вождельня и ни зависти,
Не скуп и сердце без гроша.

Ну почему же вам не нравится
Такая вот моя душа?
Ну почему же вам не хочется
Услышать хоть бы за версту
Не гениальное пусть творчество,
Но сокровенный сердца стук?
Ну почему же вам не верится,
Что я могу стихи писать?
Своей души откройте дверцу
И вы взлетите к небесам.

И сердце билось частой дробью
И стала кровь, как кипятки,
Когда красавицы из Лобни
Вошли в Строгинское «Лито».
И стало необыкновенно
Прекрасно телу и душе,
Когда Светлана и Елена
Меня отправили в «туше».
Я помню, им помог раздеться,
Свою неловкость проклиная,
А сам не знал, куда уж деться
От страсти, что вошла в меня.
И стала жизнь совсем не пресна,
Как старт для нового витка,
Когда вы обе сели в кресла,
Как два бутона, два цветка!
А уж когда стихи читали,
Я просто был ошеломлен.
Ведь мои мысли не мечтали,
Что окажусь, я так влюблен.
Но что поделаться, вновь я ранен
Умом и вашей красотой.
Но вот боюсь, что буду крайним
Я в вашей карме золотой.
Мне было очень неудобно,
Что в гости вас не пригласил.

Но проводить до самой Лобни
Мне не хватило просто сил.
Прошу простить меня, богини,
За то, что был душою смел
И что в апрельский вечер синий
Вас все же полюбить посмел.

Мне ночами кажется порой,
Что судьбою жизнь моя загублена.
В тёмном небе голова Пьеро
Карабасом злым, наверное, срублена.
И тогда берусь я за перо,
Хоть и прожил жизнь за половину.
Жду, как этот плачущий Пьеро
Милую прекрасную Мальвину.

ЯКУБОВИЧУ

Во что б его не одевали,
Как не поили б под закуску.
Но в смокинге иль в покрывале
Он всё равно наш новый русский.

Картинная женщина лучше не скажешь:
Фигура, осанка, особо лицо.
Мужчина, увидев такую однажды,
Становится богом или глупцом.

Ударь меня, а хочешь и прибей,
Но не сердись за низменный мой стих.
Ведь я никто, я хуже, чем плебей.

Я просто пыль на сапогах твоих.
Сотри меня, а тряпку ты сожги,
Чтоб не осталось ни золы, ни тленья,
Но всё равно восстану я из зги
И стану ну хотя бы твоей тенью.

Наважденье, просто наважденье,
Мне не выпал денежный билет.
У тебя сегодня день рожденья,
А меня с тобою рядом нет.
Я в душе не чувствую движенья
И цветов не куплен мной букет.
У тебя сегодня день рожденья
Извини, родная, и привет!

Нет, мы не вечны в этом мире
И ни душой и ни в крови,
Но если уж тебя родили,
На высшем уровне живи.
Не мучай ни себя, ни близких,
Люби, твори не лезь из жил,
Не жди посмертно обелиска
Коль ты его не заслужил.
Не клевети, живи по совести,
Твори, старайся, в корень зри,
Пиши стихи, а может повести,
Но никогда при том не ври.
Люби, пускай и опрометчиво,
Но искренне и до конца,
И уважай с утра до вечера
Не только высшего творца.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЁЗДЫ.....	3
Ты нравишься мне с ног до головы,.....	3
Я плевать хотел на эти склоки,.....	4
Ночь, как вытканная скатерть,.....	4
Нам с тобою больше не встретиться,.....	5
В тот миг, когда погасли звёзды,.....	5
Бушует май в твоих глазах зелёных,.....	6
ЛЮБОВЬ.....	6
Что жизнь? Она ведь скоро улетит,.....	7
Сколько я в душе тебя таскал?!.....	7
Провожают липы мой последний вздох.....	7
Болото заросло осокой, камышом.....	7
Осенним днём я в ранний час,.....	8
Гляжу вокруг – ручьёв дыханье,.....	9
Когда судьба бьёт с молотка,.....	9
Прости меня за то, что был,.....	10
Пришла весна ядрёная, как девка,.....	10
Все жить хотят и все хотят красиво,.....	10
Ах, собаки, люблю вас сволочи,.....	11
Устали глупые собаки.....	11
Страшно жить за занавескою,.....	12
Дождик в листьях жёлтых прячется,.....	13
Твои глаза, как пламенный костёр,.....	13
За окошком вьюга мечет,.....	14
Сад усыпан густой смородиной,.....	15
Не морщи нос, в наивность я не верю,.....	15
Уж коли мне признаться довелось,.....	15
Сияет солнце ярко-рыжей охрою,.....	16
От холода не знаешь куда деться,.....	16
УБИТ СОЛДАТ.....	17
Солнце в небе зашло отдохнуть до утра,.....	17
Опять тебя во сне я целовал,.....	17
Нет не выплыл месяц, нет не выплыл,.....	18
Берег Истры немного бугристый,.....	18
Травополье вокруг, травополье,.....	19
И сердце расцвело моё, как парус,.....	20

Оставим все былые бредни.....	20
Опять меня в природу повело,.....	20
У РЕКИ.....	21
Их нам всегда не достаёт,.....	21
Я выплеснуть хочу, но не выплёскивается,.....	22
Ну что же сделаю я с природой,.....	22
ПАРОДИЯ НА «БУКЕТ» БАРЫКИНА.....	23
Я человек простой и буду прост.....	23
Вот первые слова и рифмы сложены,.....	24
До чего же мужик терпеливый,.....	24
С БОЛЬЮ И ЮМОРОМ.....	24
ОГНИ.....	25
Ах, сколько их друзей и не друзей,.....	25
ПОРТРЕТ ПУГАЧЕВОЙ.....	26
Облака, как взошедшее тесто,.....	26
Нам кажется порой, что счастье рядом,.....	26
Ох, уж сила, эти неформалы,.....	27
В автобусе, как в танке,.....	27
Рублёво, лес, поляна, травы росны,.....	27
Такие женщины рождаются не часто,.....	28
Ты чаруешь меня, чаруешь,.....	28
Да, я люблю стихи писать,.....	28
Я трепетный мужчина, кто бы знал,.....	29
Ты не сказала да, ты не сказала, нет,.....	29
Седьмой этаж, семьсот седьмая комната,.....	30
Не спрашивайте ни о чём,.....	30
Куда мне до тебя, ты вся в поэзии,.....	31
Сидела женщина, а рядом сын играл,.....	31
Мне тяжело в твоих объятьях,.....	31
Газет не читаю полосы,.....	32
Нет, не писать я просто не могу,.....	32
Я у края, у самого края,.....	33
Грусть – это шуршание листвы,.....	33
Из-под снега выползают запахи,.....	34
Собаки лают не напрасно,.....	34
Обложено асфальтом небо,.....	35
Зима идёт на нет, зима кончается,.....	35
Бьется мысль незримая в висок,.....	35
В небе белое яйцо.....	36

Ещё заря не разродилась,.....	36
ДА ЧЁРТ БЫ С НИМ.....	36
Ты думаешь, что я тебя забыл?.....	37
И май наряженный в шелка,.....	37
Тихий ласковый дождь, как домашняя кошка,.....	38
Мне не ставьте укором впредь.....	38
Давно душа не ведала полёта,.....	38
А может быть, ещё я выживу,.....	39
Солнце в кустах жасмина,.....	39
Душа ребёнка, сердце старика,.....	39
Гляжу бестолково в чужие лица,.....	40
Не нужна мне твоя нагота,.....	40
Листва, как первая любовь,.....	40
Без тебя, как в аду,.....	41
Ни продвиженья, ни прогресса,.....	41
Бор серебряный, бор серебряный,.....	42
Какие женщины вокруг, какие лица,.....	43
Для совсем незнакомых, для ближних,.....	43
Снег упал на притихшие улицы,.....	43
Стоял такой февраль, что птицы пели,.....	44
Ты достала меня, достала.....	44
Я хотел пожертвовать бы многим:.....	45
Поёт капель, солируют ручьи,.....	45
Травы скошены, люди опрошены,.....	46
Нельзя высасывать из пальца,.....	47
Солнце спину выгнуло,.....	47
Пусть я пью и закусываю рукавом,.....	47
Мне б лишь твою улыбку, мне бы.....	48
Утро весь день в небесах пировало,.....	48
Закрутилось, завертелось,.....	48
В одну из пятниц дня рабочего,.....	49
Ещё слегка дрожат качели,.....	50
Я опять загадал на звезду,.....	50
Меня всегда тянуло на красивое,.....	51
Я люблю быть в аншлаговом времени,.....	51
Да, в жизнь мою судьба внесла поправки.....	52
На этой маленькой планете.....	52
И видел я мало и знаю я мало,.....	53
Пусть путь любви прошел наполовину,.....	53

Сижу один, рифмую чувства.....	53
Вся жизнь моя была ошибкой,.....	54
Кроется в мозгу мыслишка,.....	54
Здравствуй, розовое утро,.....	54
Влюблен в Вас – вот какая догма.....	55
Вновь зима, снова снег и сугробы,.....	55
В небе солнце ярко светит,.....	56
Пусть в этом подтвердят мне небеса,.....	56
Пролистывая жизни своей даты,.....	57
Обласкано любовью небо,.....	57
Сердце рвется, как лошадь.....	57
Мне чаще надо пить фенозепам,.....	58
Вы можете, Вы все на свете можете.....	58
Воскресенье – Москва как вымерла:.....	59
Мне порой улыбаются звезды.....	59
Сегодня у меня огромный праздник.....	60
Любимое занятие мое,.....	60
Проходит предо мной, как колдовство,.....	61
ЕСЕНИНУ.....	61
Пришла весна придурковатая.....	61
Быстро жизнь пролетит и захочется вдруг.....	62
Не умею витиевато ни писать и ни говорить.....	62
Мне вас судить! Вы, кажется, больны.....	63
Я душой никогда не кривлю.....	63
ОЛЬГЕ.....	64
В жизни началась другая вежа.....	64
Все они походкой от бедра,.....	65
Нет, я еще совсем не одичал.....	65
Если в душе беспредельная скука –.....	66
Не люблю суббот и воскресений,.....	66
Не спешите к загробному раю.....	66
Грациозны, красивы, свободны.....	67
Как бы ни трудно жилось человеку,.....	67
Всем никогда не угодишь.....	67
Наглotalся я демократии.....	68
Бывают дни, когда совсем не пишется,.....	69
То был я на Заречной, Савченко.....	69
Счастье даже во сне не снится,.....	70
Жизнь, как будто мустанг брыкается,.....	70

Как алюминиевый дуршлаг,.....	71
Я поздно понял, что мне пить нельзя.	71
ЛЮБОВЬ КОНСЪЕРЖА	72
Извини, я к тебе прикипел,.....	72
Какая, к черту, демократия,.....	73
И листопадный вихрь меня не закружит,.....	73
Над планетой летит «Буран»,.....	74
Не живу, отбываю повинность,.....	74
Не пахнет из моей квартиры щами.	75
Не пускаю тоску на жильё,.....	75
Откровение в первую очередь –.....	76
Филигранная стрижка	76
Заползает туман и на город, и в окна, и в душу.	77
Я увидел тебя среди высокой травы.	77
И проходят слёзы, как глоток.....	78
И жить нельзя, и умереть нельзя,.....	78
Я прошу тебя, будь последней.	78
Ты не можешь меня наказать	79
Если б счастье тянули, как наборы иль вещи,	79
Мне не надо ни славы, ни вечности,.....	79
Мне не надо царя,.....	80
Нет, ты и впрямь так хороша,.....	80
Осенняя скука в доверчивых лужах.	80
Нет, не сложилась жизнь, кто в этом виноват?	80
Люблю пору рожденья красок,	81
Жизнь не станет ни лучше, ни хуже,	81
ПОРТРЕТ ПУГАЧЕВОЙ А.Б.	82
Хочу быть верным твоим псом.	82
Окончился души фристайл.....	82
На небо жёлтый месяц вышел,.....	83
Я себя осуждаю, - а толку,.....	83
Сошлись в цветах вода и небо.....	83
Дождик бреет день за днем кусты,	84
Быть, как тысячи других?.....	84
У нечестных людей два лица,	85
К черту "Труд", "Комсомолку", "Вечерку".	85
Впереди мужик несет щенка,	85
Мук своих никому не отдам,.....	86
Я буду камни грызть, я буду землю есть,	86

Были мощь, терпимость, сила.	86
Кидались майскими жуками,.....	87
О, дачный волейбол – пора смятений!.....	87
Уже покрыт листвой асфальт,	88
Когда на лбу с кулак заплатка,.....	88
Осень всегда прелестна,.....	89
Я ремней для себя не сготовил.....	89
Мне бы вам сказать спасибо	90
Ты прости меня, Родина – мать,.....	90
Как жаль любовь проходит, как и всё.....	90
От тебя ни души, ни словечка.	90
Как улитка в свою скорлупу,.....	91
Опять я опоздал на старте,.....	91
Перестройка – выцвела душа,	92
Ни в радостях и ни в уладах.....	92
Я сам себе бываю гадок,	93
Нет, я не занимаюсь мордобоем,.....	93
Я теряюсь в догадках,.....	93
Этот звон уходящего лета,.....	93
ПУГАЧЕВОЙ А.Б.	94
Мы с тобой ровесники.....	94
Я прошу, ты прости меня, мать,.....	95
Угасает жизнь и рвутся нити	95
Порой как любят кошек и собак,.....	96
Вечер зори багровые гасит,	96
На асфальте лежит душа	97
Нет, вас я не предаю и пусть душа в цейтноте.....	98
<i>Ольге, живущей у «Таджикистана»</i>	98
Ещё цветок такой не вырос.....	99
Что ж со мною ты делаешь, борзая,.....	99
Хоть мысли, чувства все вылезли наружу.....	100
Дождь, как мелкие иголки,	101
Рисует голубь веточки.....	101
Красивым все одновременно	101
Не предвестник я не Мессия,.....	102
Все гадаю орел или решка	102
Ломать, рубить гораздо проще,.....	103
Поэта так легко обидеть.....	103
Я нашёл своё место под солнцем	104

Я заставлю ещё вас всех	104
Волос уложенные пряди,	105
Утро в небо пускает зарницы	105
Стать тебе хочу я вовсе не женщиной,	106
Душа от слёз насквозь промокла,	106
Хотя январь, но солнце шпарит,	106
С душою гладкой, как нулевка,.....	107
На душе и на сердце тревожно.....	107
Уходи из неволи –	108
Перебили всех малиновок в лесу	108
Капли в листве шуршат,	109
Над планетою небо поднято,	109
Не пойму я, что творится,.....	110
Разорву рубашку в клочья,	111
Белый снег, белый снег,	111
как наряд новобрачный,.....	111
Есть много на свете прекрасных лиц.....	112
Отзвенело, отаукалось	113
МОЁ СТРОГИНО	113
От себя некуда мне ни деться,.....	114
Здесь я в плену у времени,.....	115
Юлька, сядь со мною рядом,	115
Я не люблю, когда меня не любят.	116
Да вас любить мне не хватает чувств,	117
Душа ошкуренная начисто	117
И сердце билось частой дробью.....	118
Мне ночами кажется порой,	119
ЯКУБОВИЧУ	119
Картинная женщина лучше не скажешь:	119
Ударь меня, а хочешь и прибай,	119
Наважденье, просто наважденье,	120
Нет, мы не вечны в этом мире.....	120

АЛЕКСАНДР ГАЛКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

В авторской редакции

На первой стороне обложки
фотография С. Стефанович.
На четвертой стороне обложки
фотография В. Богданова.

Технический редактор В. Богданов

Сдано в набор 10 июля 2006 г.
Подписано в печать 14 августа 2006 г.
Формат 60х84/16 Объем 8 печ. л.
Тираж 300 экз. Печать офсетная.
Бумага офсетная
Заказ №

Отпечатано в ГУП МО “Коломенская типография”
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а

Издатель – ООО “ФЕНИКС ПЛЮС”
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ